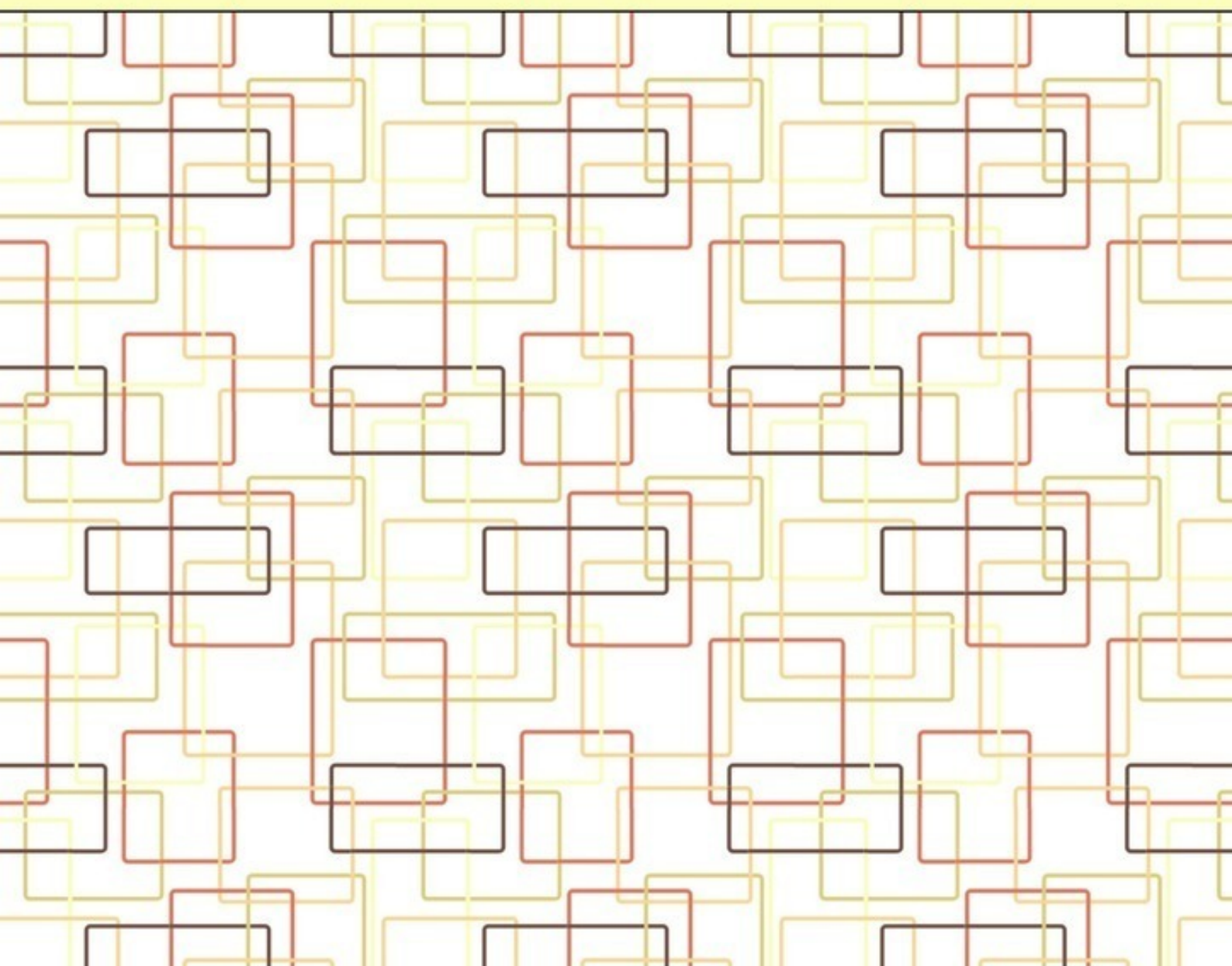

Василий Баранов

*Удаче ум не
нужен*

Василий Баранов
Удаче ум не нужен

«Издательские решения»

Баранов В.

Удаче ум не нужен / В. Баранов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854555-9

Эта книга не совсем входит в серию романов «Скиталец». Но связана с ней. На волшебной планете бог удачи Кайрос хочет быть только кому-то нужным. Для этого он готов пожертвовать жизнью. Ему бы толику любви. Сирота, приемные дед и бабушка умерли. Из деревни изгнан. Идет в столицу. Во дворце он водонос и уборщик. Холодная каморка, в оплату — помой с королевского стола. Обноски, что дадут. Он спасает наследного принца. Выигрывает две войны. Но кто заметит. Простые люди. Дурачок не знает, что он — бог.

ISBN 978-5-44-854555-9

© Баранов В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	9
Часть 3	17
Часть 4	25
Часть 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Удаче ум не нужен

Василий Баранов

© Василий Баранов, 2017

ISBN 978-5-4485-4555-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Кайрос лежал на спине, глядя в потолок. Старый сарай, который они с дедом так и не успели починить. Там в крыше сияла дыра. Доски разошлись. Через эту дыру он видел синее небо. Время от времени проплывали облака. В другой бы раз он залез на крышу и зала-тал ее. Но не сейчас. Сарай был старый, ветхий. Хранить в нем было нечего. Его не сно-сили, вдруг сгодится подо что-то. Кайрос лежал и думал о своей прошедшей жизни. Сколько помнил себя, он всегда жил в этой деревне у бабушки с дедушкой. Домик был маленький, но руками деда содержался в порядке. Небольшая банька. Жили бедно, но не голодали. Про-питанье давал огород. Сажали все, что можно. Летом лес подкармливал. Ходили за грибами и ягодами. Своих самых ранних лет Кайрос не помнил. С пяти, шести лет помогал бабушке на огороде. Прополоть грядку, полить, взрыхлить землю. Что посадить, собрать урожай. Дед в основном по дому. Ремонтировал, поправлял. По весне и по осени грядки вскопать. И лес дед хорошо знал. Большую часть собранного продавали на базаре. Хватало. Кайрос не помнил, что б когда-нибудь ложился спать голодным. Бабушка с дедушкой любили его. Можно сказать, даже баловали. Одежду, которую он носил, бабушка перешивала из старого, что принадлежало ее сыну. Он не был отцом Кайроса. Этот сын давно сгинул. Бабушка часто его вспоминала и плакала. Дед только хмурился. Когда Кайрос стал постарше, ему объяснили, что он не родной внучек. Только Кайрос не чувствовал этого неродства. Однажды, было это давно, в деревню зашла богатая женщина. Она и принесла Кайроса. Оставила у деда с бабкой, дав немного денег. И уехала. Гадали они долго, кто он и что. Должно быть из богатых. Женщина хорошо была одета. Красивая. А он, наверно, никому не нужен. Дед решил, бастард. Отцу он не нужен. Вот мать и решила избавиться от него, отдала на воспитание старикам. Сказала на прощание, когда-нибудь заедет. Но больше не появилась. Конечно, ему хотелось увидеть мать, что бы она появи-лась. Увидеть отца и не мечтал. Своим умом понимал, что такое бастард. Помнил он ту зиму, когда ему было лет шесть. Простудился сильно. Жар. Он бредил. Ему так хотелось, что бы мама пришла. Звал ее. Он почти видел ее. Ему казалось, она сидит возле него. Но она не пришла. Постепенно он стал забывать эту свою детскую мечту и те видения. Зачем мечтать о том, чего не будет. Хорошо они жили. Кайросу казалось, счастливо. Огород, ткацкий станок бабушки. Она ткала вечерами и зимними днями. Дед в свободное время вырезал из дерева игрушки, посуду. Ложки, чашки. Что-то продавали, что-то оставалось в своем обиходе. Кайрос вырос. Стал перенимать у деда его мастерство. Он не знал, что такое побегать с другими ребятами, поиграть. Все некогда было. То на огороде, то деду помогал. Лет с десяти стал ходить по дво-рам. Свои дела сделает и идет. Деревня у них небольшая. Дворов тридцать. Придет, попросит.

– Тетенька, дяденька. А поработать можно? Я много не прошу.

Давали ему за работу кто хлеба. Кто старую одежду, что все равно на выброс. Но бабуш-кины руки превращали ее в сносную вещь. Кринку молока или сметаны. А то и маслица. Кто побогаче, могли и мелкую монетку дать. Деревенские ребята избегали его, порой и бросали камни в след. Он не обращал на это внимания. Староста в деревне мужик не плохой. Он дере-венским сказал:

– Убогого этого, дурочка нашего, не обижайте. Нельзя это. Не хорошо деревенского дурочка обижать, Светлый за это накажет.

Обижать его перестали. Давать стали немного побольше. Все говорили: это дурочок Кай-рос. Обидно вначале было, потом привык. Он и сам стал считать, что он дурочок Кайрос. Бабушке с дедушкой он не говорил, не жаловался. Что толку, только расстраивать их. Они ж его любят. Из всего, что было на свете вкусного и съедобного, Кайрос любил помидоры. Поми-доры привозили из южных районов страны. Они попадались иногда на рынке в начале лета. Но дорого, им не по карману. Свои же созревали в конце лета. Как он их любил. Бывало,

сорвет помидорку, принесет, положит на стол. Оботрет ее всю, что б сверкала своими красными боками. Смотрит на нее, наклонив голову налево, потом направо.

– Помидорочка моя. Помидорочка, можно я тебя съем?

Как-то соседка заходила, не знамо зачем. И увидела, как Кайрос уговаривает помидорку, что б та разрешила съесть себя. Растрепала баба по деревне. Все и уверились: дурачок он и есть дурачок. С той поры прилипла к нему кличка кроме дурочка, кличка помидорка. Так его и звали порой:

– Эй, помидорка, иди сюда. Огород надо прополоть.

– Эй, помидорка, принеси-ка водицы.

И Кайрос хватал ведро и приносил воду. Да он и себе домой таскал воду. Колодец не далеко, метров пятнадцать от их домишки. Брался за всякую работу, когда приглашали. Корм скоту задать, курам зерна дать, корову подоить. Смеялись над ним, бабью работу, дескать, делает. Кайрос не обижался, молчал. Главное, ему за это платили. Во многих дворах здесь держали собак, чаще здоровенных, сторожевых. Такие не то, что с человеком, а и с каким зверем могли справиться. Не известно почему, может, потому, что по домам ходил он с мальства, звери эти его не трогали. Наоборот, когда он входил, собаки не лаяли, а бросались к нему за лаской. Даже к самому злющему псу, что держал староста, Кайрос подходил без опаски. Чесал за ухом, лапу брал, а тот пытался лизнуть его в лицо. Вот тебе и злобный пес. Односельчане говорили: и зверь не трогает дурочка. Кому он дурак нужен. Так и шла его жизнь. Беда не миновала их дом. Дед захворал, поболел, поболел и помер. Бабка очень тосковала по мужу, но крепилась. Скрипела кое-как. Только-только начали жить получше. В огороде все росло при ласковом уходе парня. За каждой травинкой, за каждой былинкой ухаживал, у него всегда был урожай. У кого недород, а то и вовсе не родится, у него все было хорошо. У кого из соседей он за коровой доглядывал, покормить, подоить, или за курами. Так замечали, куры лучше неслись, коровы молока больше давали. Да не просто больше, а и жирнее. Никто и не думал, что Кайрос в огороде до поздней ночи колупается. Все обихаживает, каждый кустик. Косо на него стали глядеть. Пока бабка была жива, вроде и ничего, поговаривали, парень колдует. Сильней только дразнили: помидорка, дурачок Кайрос. Да не замечал он. Просто не замечал, что как-то злее стали односельчане на него поглядывать. Завидовали что ли. А чему завидовать? Парень ходил в обносках и прислуживал всем. Никому не мешал. Разве овощей побольше на рынок принесет. Бабка недолго мужа пережила. Слегла и тихо так, тихо отошла. Но до того, прямо в канун своей смерти, как чужая, позвала его.

– Пойди, внучек, посиди со мной.

Он сел рядом с ней.

– Я вот что тебе скажу, тайну поведаю. Про мать твою.

– Да, ну ее. – Зол был на нее, ничего слушать не хотел.

– Ты выслушай меня. Выслушай. Оставила она тебе кое-что. Возле баньки камешки лежат, знаешь?

– Ну, знаю.

– Вот под камнем ямка. В ямке в тряпице схоронили мы медальон тебе. От мамки на память тебе. Ты его забери, когда помру так, чтоб никто не видел. Твой он. Может, когда согласишься, мамку вспомнишь. Обещаешь?

– Да, бабушка, обещаю. – Ради бабушки обещал, не ради матери.

– Ладно, внучек, я отдохну. Подремлю маленько. Может, к утру встану.

Но утром она не проснулась. Кайрос схоронил ее рядом с дедом на краю сельского кладбища. Тосковал. Без бабушки в доме стало как-то пусто. Когда она еще здоровой была, да могла что, слышишь посуда гремит, станок ткацкий стучит. Тук-тук, тук-тук. Не стало ее. Пошел он тут в лес, думал собрать грибов или ягод. Или корешков накопать. Дед показывал ему, какие целебные или съедобные, что можно из леса прихватить с собой. Ушел он в лес, да задержался.

Задумался, увлекся. Смотрит, оно уже темнеть стало. Далеко зашел. Домой поспешать не стал. Веток навалил, на них ноченьку и проспал. Когда поутру зашел в деревню, дом их на окраине, глядит, а там одни головешки дымятся. Бросился к дому, там ничего не осталось. И банька вся разрушена. Вот эта сараюшка старая только и осталась. Сел он возле баньки и заплакал. А тут староста подошел.

– Ты это, дурачок, не сиди тут. Не надо.

– А что, что случилось?

– Не видишь что ли? Подождли тебя. Уходить тебе надо. Не жить тебе тут. Обнаружат, прибьют кольями. Спрячься где, а ночью и уйди от беды подальше. Не хочу я брать грех на душу. Светлый не простит. Спрячься и никому не говори, что видел меня. А то и мне достанется. Говорят, ты – колдун. Вроде Темный тебя прислал. Врут, конечно. Но народ у нас темный. Гляди, грядки твои как зеленеют. У кого ничего, а у тебя... Вот и говорят, что Темный тебе помогает. Ночами орудует на твоём огороде. Давай от беды, парень. Давай.

– Так куда мне идти?

– Куда хочешь, только побыстрей. В город куда. В столицу топай. Там народа много, не сыщут. Может, и работу найдешь. Руки у тебя работающие. Прокормишься. Давай, от греха. Я пошел.

Староста, оглядываясь, ушел. Кайрос огляделся, заметил камешки, о которых бабка говорила. Отвалил камень, точно, ямка под ним. И тряпица. Забрал он эту тряпицу, сунул в карман. Куда идти, где прятаться. Вот он и забился в этот старый сарай. Лежит, смотрит на небо, когда зажгутся звездочки, чтоб потихоньку выйти из деревни. Вот и ночь опустилась на землю. Зажглись звезды. Одна из звезд заглядывала в дырку на крыше. Светит так. Пора, решил он. Выглянул из сарая. Никого нет. И окна в домах уже не светятся. Не свечей, ни лучин никто не жжет. В деревне рано спать ложатся и рано встают. Такой порядок заведен. Он тихо и осторожно пошел по улице. Ни одна собака не залаяла. Слышали они его, но свой ведь идет. Они его любили. Парень вышел за деревню на другой край и по дороге зашагал прочь от родимого гнезда. Оглянулся еще раз, бросил взгляд на темное пятно деревни, где когда-то жил. Вдохнул, махнул рукой. Повернулся и пошел. Нет у него здесь больше ничего. Шел, куда глаза глядят, куда ведет дорога. Утром сельчане встали рано. Вчера они так и не обнаружили колдуна, этого дурочка. Сбег что ли. Да и староста говорил:

– Сбежал ваш колдун. Что его искать. Почуял и сбежал. Увидел, хату спалили и сбежал. Ищи его теперь. Где-нибудь по лесам мыкается. Где нечисть орудует.

Так и порешили, сбежал. А огород остался. Вон сколько нарастил, нечестивец. Не пропадать же добру. Вот кто и начал из соседей, что созрело, то забирали. Кто что успеет. Растащили быстро. И в пищу это пустили. Ох, ведали б они. Кто ворованных овощей поел, дня три животом мучился. Вот колдун какой. Плохую память по себе оставил. Народ хотел сгубить. Это Темный его научил. А они, по доброте душевной, и кормили его и поили, одевали. А он снюхался с нечистой силой. Вот и напоследок. Вот и будь к ним с добром. Не стоят они доброты людской. Забыли, что работал на них, горбился.

Часть 2

Нет ничего прекраснее, чем восход солнца над стенами замка Арвей, что стоит на холме, возле которого течет медленная речка. А под холмом луга. Маленькие дома селян. Ключки возделанной земли. В день этого рассвета в домике Латера, среди его домочадцев царит тихая напряженность. Последние минуты перед тем, как сын Латера, Арчик, покинет дом. Скорее всего, на веки. Когда еще придется свидеться. Вот и выросли сыновья. Такова жизнь, традиция. Старший сын получит все в свое наследство после смерти отца, средний уходит искать своей доли на стороне. Младший... Подрастет, будет видно. Мать тихо вытирает слезы. Арчик служил стражником у местного барона. Но хозяин этого края не баловал слуг своих щедрым жалованьем. За долгие годы службы стражник едва ли скопит денег на свой крошечный дом. И на старости лет останется горький кусок хлеба в доме родни. От этой судьбы бежит из родного дома Арчик, прощается с матерью и отцом. Прощается с братьями. Так много лет назад его дядя, младший брат Латера, оставил дом родной. Ушел в столицу. С той поры лишь редкие весточки приходили от него. Арчик надеялся отыскать своего дядю среди стражников государя, где тот служил. И если повезет, устроится на службу. А там, через годы, скопить денег на свой дом, обзавестись своей семьей. Мать смотрела на высокую ладную фигуру сына. Запомнить каждую черту лица. Навеки отпустить его, родного. Отец сидел, положив большие сильные руки на стол. Поднял взгляд на Арчика.

– Ну, сын, пора. Помни, если случится что, мы тебя примем. Это и твой дом.

– Знаю, отец. – Арчик кивнул головой. Бывало, стражники из дальних краев возвращались израненными, увечными. Но чаще кости такого стражника находили покой в неизвестном поле или на чужом погосте. – Прощай, батя.

Латера встал, подошел к сыну. Обнял.

– С матерью и братьями простись.

Мать подошла следом, дотянулась руками до головы сына. Прижала его к себе.

– Пусть хранит тебя Светлый. Ты весточки шли. Я ждать буду.

Дошел черед до братьев. Крепкие объятья на прощание. Душа родная покидает дом.

И вот уже с дороги Арчик бросил последний взгляд на свой дом. Последний миг, когда он мог видеть родные фигуры. Живите долго.

Принц Александр лежал в своей постели. Не хотелось открывать глаза, расставаться со сладким сном. Улыбка на губах. Ему снилось, как он обнимает Танаю. А эта скромница отвечает ему. А может ли она быть наяву такой несдержанной? Ну, а Верона? Как отнеслась бы она к его сну? Таная на этой постели под тяжестью его тела дарит томный взгляд и жаркие объятья. Улыбка на устах Александра погасла. Он представил ревнивый взгляд Вероны, недовольно поджатые губы. Ревность приятна, но... Александр не любил женских слез. Всех этих размолвок. Другое дело Рена, фрейлина его матушки. Плутовка. Умна. Знает свое место, в его постели, тайно. И ни на что не претендуя. Может, сегодня вечером найти отдых от забот в плену страстных поцелуев этой чаровницы. Принц нехотя поднялся, оставляя эти приятные мысли. Подошел к окну своей спальни, отдернул штору. Открыл окно. Пора одеваться.

Принц дернул за шнурок звонка. Подождал, пока появился слуга.

– Принц, что пожелаете? – Росс, мальчик лет пятнадцати склонился в поклоне, ожидая приказаний.

– Росс, я буду завтракать, как обычно, в малой столовой дворца. Пусть соберут на стол. Буду минут через пятнадцать. Скажи главному повару Гаттеру, пусть поторопиться. – Александр улыбнулся. – И скажи ему, пусть даст тебе имбирного печенья.

Росс искренне обрадовался. Он любил это печенье, но выпросить у Гаттера лакомство задача не простая, а тут приказ принца.

– Да, принц. – Мальчишка поспешил выполнять указание.

Александр в своих покоях обходился без слуг. Не любил суеты вокруг себя.

Принц тяжело вздохнул. А за окном прекрасный дворцовый парк. Сейчас бы за городские ворота в компании верных друзей. Нынче не до этого. Весь день придется провести за книгами налогов. Казна еще не пуста, но император в беспокойстве. Подозревает, что министр финансов несколько вороват. У воды, да не напиться. Так и управляющий дворцом Борден ворует. Не так что б много. Но менять одного вора на другого император не готов. Великий император Сельгер стареет. Дела государства его утомляют. Продолжительные беседы с верховным магом Астагером за бокалом легкого вина. Пусть принц готовится к управлению страной.

Принц оделся с обычной тщательностью. Особое внимание уделил цвету рубашки, подбирая его к цвету своих ясных голубых глаз. Зашел в свой кабинет, убрал с письменного стола листы бумаги, на которых вчера пытался набросать стихи. Будет еще время подумать, кому их посвятить. Танае? Вероне? Какая разница, они для той, что покажется ему нынче прекраснее. Александр вернулся в спальню. Пристегнул к поясу шпагу. Отправился в дворцовую канцелярию. Идя по широкому коридору дворца, заметил впереди себя фигуру Бордена. Тот нес себя с такой важностью, что можно было подумать, перед вами император. Какой неприятный человек этот управляющий, заметил про себя принц, как отец его терпит.

Дорога вводила Кайроса все дальше от дома или от того места, которое было его единственным домом. Он держался этой дороги. Не был уверен, что она приведет его в столицу, но может быть к другому городу. Идти то все равно куда-то надо. Беглец, бездомный беглец. Изгнанник. Так Кайрос и не понял, за что его невзлюбили в деревне. Всем помогал, никому не мешал. Ему думалось, что нужен этим людям. Он никогда не покидал родной деревни, не знал, что там вдалеке, в чужих краях. Шел налегке, даже куска хлеба с собой не было. Если недалеко от дороги встречался съедобный корешок, Кайрос вырывал его, вытирал о штаны и жевал. Хорошо. Вроде погодка нормальная. Тепло пока. Эх, все равно когда-то зима придет, прибьется бы ему до того времени куда. Может, кто на службу возьмет. Что подремонтировать или водички потаскать. Он на все руки. Работы не чурается. Может и прокормится. Хороший мужик этот староста. Не выдал рассерженным людям. Подсказал, иди в столицу. А так бы деревенский дурачок и не знал бы, куда деваться. Так и шел, словно помидорка катится по столу, гладко так. Тут смеркаться начало. Надо подумать о ночлеге где, а то стемнеет, где прибьется. Кайрос не боялся заблудиться в лесу, остаться там на ночь. С дедом они часто хаживали в лес и с ночевкой. Местечко бы найти славное. Хорошо бы и водица была недалеко. Вот небольшое поле, а тут вроде как рощица. Трава на этом поле. Все заросло. Видать людей, жителей, здесь нет. Некому заняться здесь землепашеством. Рощица как бы на холмике, да что там рощица, десяток деревьев. Кайрос забрался на холм, с той стороны холма кустики. За кустиками ручеек течет. К нему он и спустился по пологому склону. Огляделся. Место показалось очень удачным. Здесь на берегу ручейка и корешки съедобные обнаружил. Насобирав корешков, отряхнул с них землю. Подошел к ручью.

– Ручеек, ты не серчай, я маленько помою корешочки. Позволь уж. – Он склонился к воде, коснулся пальцами его прохлады. – Я здесь аккуратно, все после уберу. Поток твой пусть даст мне живительной влаги.

Он помыл корешки, присел на бережку, начал их жевать. Оно, конечно, не сытый, но все-таки и не голодный. Хлеба хоть ломоть, да нет его. Опускалась ночь со своей прохладой. Кайрос выбрал местечко. Травка, да мох. Вроде не жестко должно быть. Прилег, свернулся калачиком, что б прохладу ночи меньше почувствовать. Да что ему прохлада, устал он очень. И сон скоро сморил его. Но вот он, вроде, проснулся, озяб немного и бок затек. Перевернулся на другой бок и снова погрузился в сон. То ли снилось ему, то ли действительно, вроде как теплом повеяло со спины то. Хорошо стало. Не открывая глаз, Кайрос повернулся и обнял что-то пушистое да мягкое, теплое. Но глаза открывать не хотелось, и он продолжал спать.

Проснулся он, когда птицы уже загомонили. Открыл глаза, а перед ним серая голова да уши торчком, а он обнимает это существо. Волк ведь. Ну и что. Волк, так волк, решил парень, зато тепло. Должно быть тоже пришел передохнуть. Одиночество да холод, оно кому приятно. Волк тоже проснулся. Поднялся, отряхнулся, сел и уставился на дурочка своими янтарными глазами.

– Ты что, волчок, погреться приходил? А? Что говоришь, в дорогу пора. Пора конечно. Оно что бока-то отлеживать. Я тоже пойду.

Волк сидел и внимательно слушал. Кайрос осмотрелся, все ли оставил, как прежде было.

Он встал, стряхнул с себя травинки. Глянул себе под ноги. Все хорошо. Дед бы его не заругал. Лес, поле и река – кормильцы наши. Ты, поевши, из-за стола встаешь после себя прибираешь. Так и в лесу. В колодец ты не плюешь. Сгодится водицы напиться. Так и с лесом и рекой.

– Ну, давай, дружище, бывай. Пойду я, да и тебе, наверно, пора. – Посмотрел на волка, кивнул головой.

Кайрос пошел от ручья, где ночевал. Волк за ним. Рядышком.

– Ты чего, дружок, проводить меня решил? Я и сам не заблужусь. У тебя, поди, делов тоже своих невпроворот. А я дойду. Ты не волнуйся. Чего? Не беспокойся.

Кайрос вышел на дорогу. Дальше дорога шла лесом. Две колеи от телег, а посредине дорожка травы. Видать, часто здесь на повозках да телегах хаживали. Волк не отстает, идет. Кайрос остановился, повернулся к нему, присел.

– Ты что, дружок, – погладил волка по голове, – совсем одному-то плохо? Так мне, конечно, компания не помешала б, так как ты то. Люди увидят, так они тебе какую беду могут сделать. Всякое бывает. Волков то они не любят. Пойдешь? А, спрячешься. Успеешь? Ой, волчок, боюсь я за тебя. Ну, так ты это, чуткий. Смотри да нюхай. Чуть что, прячься. А я де не видел тебя.

И они вместе зашагали по дороге. Солнце перевалило за горизонт, когда Помидорка решил, что пора сделать привал.

– Что, серый приятель, передохнем маленько? Я здесь корешки да что поищу, а ты корешки то не кушаешь. На охоту сбегашь? Ну, беги. Я тебя подожду. Все равно, отдохнуть немного надо. Это тебе, бегай да бегай. А мы, люди, к тому не приспособлены. – Местечко себе облюбовал возле большого дерева.

Кайрос обошел окрестности, насобирал себе кой-чего. Корешки да кислица, листочки. Это можно есть. Пару ранних грибов сыроежек нашел. Присел. Вот и обед есть. Просидел он с час, когда вернулся волчок.

– Что, дружок, перекусил? – Посмеивался Кайрос. – Вижу, вижу, маленько поправил себя. Коли можешь, так пойдем дальше.

И снова они зашагали по дороге. Все вокруг спокойно. Птицы поют. Ветер полощет листья деревьев. В былые времена одно удовольствие так идти. У них с дедом свои ягодные и грибные места были. Были и местечки, где травы целебные можно собрать. Каждую траву или корень в свое время надо собирать. Потом сушить. Бабка с дедом его этой премудрости научили. Знал и вредные травы. Жучки и улиточки так же в дело могут пойти. И опять, есть какие здоровье поправить, а другие хворь и порчу наведут. Кайрос думал, долго ли ему еще идти до города али столицы. Ближе к вечеру сделали еще один привал. Кайрос сел на траву, волк напротив него. Смотрит, словно рассказывает чего. Говорит, а дурочок кивает головой, словно соглашается.

– Так я не пойду туда. Денежков у меня нет, кто меня пустит. Зачем мне туда. А? Ну, хорошо. Так ты чего, побежал? Ну, ладно, серый брат, ступай. Спасибо за компанию. Глядишь, если Светлый позволит, мы, еще когда, с тобой свидимся. Удачи. Удачной охоты. – Парень погладил голову волка, прижал ее к своей груди. После взял голову серого друга обе-

ими руками, заглянул в глаза. Янтарь волчьих глаз встретился с сумраком глаз человека. Прощались два одиноких сердца.

Волк скрылся в лесу. Кайрос еще сидел, когда увидел, на дороге появилась человеческая фигура. Воин. Молодой. Подошел к нему.

– Эй, парень, тут до хутора или постоянного двора далеко? – Спросил путник. Сразу видно, идет издалека. На вид ему лет двадцать. Высокий, крепкий. Броня на груди из кожи, штаны из хорошей ткани. Обувь крепкая. Такая, по меркам Кайроса, дорого стоит. Не господская, но дорогая. Господа носят получше. И кожа у той тонкой выделки.

– Не знаю, господин. Я сам не местный. – Мир велик, откуда деревенскому дураку знать все места и деревни. Только по слухам. Про моря рассказывали, где огромные лодки плавают. Про разное рассказывают. Так это все далеко.

– А путь, куда держишь сам? – Спросил воин. Видно, парень не по торговой надобности держит путь. Не всем в родном крае сладко живется.

– Да, не знаю. До города хотел али столицы добраться. Работенку найти, а то в моей-то деревне оно голодно. Нечего там делать, вот и решил податься в лучшие края. А вы, господин воин? – Не стал рассказывать первому встречному, почему из деревни убежал.

– Я тоже в столицу иду. Что, парень, со мной пойдешь или как? Вдвоем оно веселее, о чем поболтать можно. – Парень задорно улыбнулся. Привык Арчик быть в компании людей. В дозоре или на посту все веселее, когда не один.

– С вами, господин, коли позволите. – Рядом с воином по большой дороге идти спокойнее.

– А что, дорога она для всех. Идем. – Считал, что в дороге или работе хорошо иметь кого-то рядом. Вот когда он был мальцом, отец его в поле брал. Воды поднести, зерно сеять. От пахоты дух шел хороший. Не воином бы быть ему, пахарем. Не судьба.

Кайрос встал и пошел рядом с воином.

– А вы издалече? – Спросил Кайрос. Не часто доводилось поговорить с людьми с иных мест. Он больше от деревенских баб слышал, что проезжающие говорят. Любопытно, как в других селениях живут.

– Да не близко. – Арчика интересовало, где остановиться. Там и поговорить можно. – Сейчас двор постоянный или хутор сыщем, переночуем. К ночи бы поспеть.

На лице Кайроса отразилось беспокойство. Не след говорить, так пропасть может воин. Убереги Светлый!

– Так вы, дяденька воин, не ходите. – И в голосе боль, тревога. Чем будет он лучше, если не остановит воина. Ведамо ему, от волка знает.

– Что значит, не ходите? Куда не ходить? – Чудит мальчишка. Спать под открытым небом на сырой земле. Воин к этому готов, но на клочке соломы мягче спать.

– На хутор. – Страх в глазах Кайроса. Губы дрогнули. Он столько потерял. Деда, бабушку. И этого спутника в дороге может потерять. Светлый безразлично взирал с вершин на малых сих.

– А что там? Ты что парень? – Какая блажь вселилась в мальчишку. Спать в мягком стоге сена после хорошего ужина, что лучше.

– Сердце мое чувствует, не надо туда. Есть тут хуторок один. Вон там за леском должен быть. Здесь вокруг больше ничего нет. Слышал, не хорошо о нем говорят. – В груди Кайроса гулкий удар сердца. Так у него было, когда в деревне мужик с сарая упал. Накануне. Упал и сломал шею. Не к добру.

Шли по дороге, вокруг жужжали насекомые, щебетали птицы. Край мира и благодати. И ласковый закат.

– Что говорят? – Арчик готов отмахнуться от слов паренька. Как сельская старуха, всюду чудится беда. Так это не для воина. Он не баба. Всякие предчувствия не его дело.

– Не знаю, только не следует туда ходить. У меня денежек то нет, я и так бы не пошел. А вы, вроде, хороший дяденька. Не надо бы вам туда. – Настаивал Кайрос.

Э, так вот в чем причина. Нет денег. Так на постое на соломе и денег не возьмут. С паломников тоже не берут, а на ночь приют дают. Слава Светлому, люди сердцем не очерствели. Это в землях Темного иначе. Постучи кто в дом его отца среди ночи, так всегда найдется угол. Пусть приляжет путник. И пища найдется. Как отказать страждущему. На том мир людской держится, ты поможешь. Тебе благом откликнется.

– А что так? За малую монету нас приютят. Обоих. Не кручинься. – Арчик знал, что говорит. В их доме бывали проезжие. Отец и мать не отказывали бедному люду, хоть сами жили небогато. Горстку зерна положить в похлебку, лишняя ложка сметаны на заправку. Пусть, хоть тайно, путник помянет за их столом умерших родственников. Это святой долг.

– Ну, пожалуйста. – В голосе Кайроса мольба. Слезы в глазах. Отчаяние.

Арчик посмотрел на паренька. Что ему, воину, ночь под звездами. Хороший мальчишка, но пугливый. Не оставлять же его одного. Пугливый больно. Это бывает с детьми. Подрастет, сам будет смеяться над страхами. В сердце Арчика вспыхнуло чувство подобное тому, что он испытывал к своему меньшому брату. Тот всего боялся маленьким. Они спали в одной комнате. И когда брат вздрагивал в угоду ночной тьме, он поднимался с кровати, брал брата за руку и шептал слова о рассвете. О восходе солнца. Брат подрос и перестал мочиться в постель. Перестал бояться ночных теней и шорохов.

– Ну, посмотрим. Подойдем хоть поближе. – Арчик не сетовал, что ему выпало возиться с этим ребенком, его спутником. Ему было даже спокойнее, что надо заботиться об этом мальчишке. Не мог порвать пуповину своего дома. Там заботились друг о друге. Когда его старший брат Дерек лежал в лихорадке, он ночами сидел у постели, сменяя мать. Я не хочу быть первенцем твоею смертью. Живи, мой брат. Придется и с этим мальцом повозиться.

– А вы в столицу служить идете? – Спросил Кайрос.

– Надеюсь. Дядька у меня там в стражниках. Может, подсобит куда устроиться. Глядишь, на службу возьмут. Все лучше. – То были надежды. Вдруг столичный житель и не захочет знать племянника. Родство родством, а прошли годы.

– Так у вас родня, стало быть, в столице. – Кайрос с большим, чем ранее почтением посмотрел на своего спутника. Только последний дурак не знает, в столице живут знатные господа. Много, сказывали, там чудес. Что дом – то дворец. Одежа там другая. Мостовые, улицы, сказывали, каменные. Хоть одним глазком увидеть. Девушки там так наряжены, как у них на свадьбу не наряжаются. Все золотом шито. Телеги и те в золоте. А зачем? На такой зерно не повезешь. У них в деревне у старосты был возок. Расписной. На нем невест с женихами возили. Так его всем миром делали. То давно было. Тогда его дед был жив. Это он резные узоры делал. По деревне девушку в нем везли. Что б с прочетом замуж отдать. Свадьбы Кайрос видел. Там гостям сладкие пироги дают. На одной или двух и ему дали кусок пирога. Подумалось, в столице каждый день свадьбы играют и пироги раздают. И для него найдется кусочек свадебного пирога.

– Да есть, если дядька меня не забыл. – Он надеялся, узы крови не ослабли. Найти бы только, а там, пусть решает Светлый.

– Хорошо. – Откликнулся Кайрос, думая о кусочке пирога.

Они шли дальше. Смеркалось. Действительно, увидели хутор. Дом стоит большой такой, хороший. Навес и сараи кругом.

– Дяденька воин, не надо туда. – Вновь дрожащим голосом попросил Кайрос.

– Что ты заладил, не надо, да не надо. А куда? Ночь кругом, видишь. – Арчик ворчал, но что-то подсказывало ему, с парнем надо соглашаться.

– Хоть куда. Вон туды. Где заборчик, за ветром спрячемся и посидим. Оно опять и денежки сэкономите. – У самого Кайроса монетки редко были в руках. Каждый грош надо беречь.

– Ну, знаешь. – Но что-то запало в сердце Арчика. Тревога что ли в глазах парня подействовала.

– Слушай, сделаем, как ты говоришь. – Окончательно согласился Арчик.

Они пошли в сторону забора, спрятались за него. Присели. Из-за этого забора в щелку дом был

Виден отлично.

– А зовут то тебя, говоришь, как? – Хоть узнать, как зовут этого мальчика.

– Кайрос я, деревенский дурачок. – Покорность судьбе в голосе. Парень посмотрел на воина широко распахнутыми глазами, словно просил прощения.

– Дурачок? – Изумился Арчик. Это ж кто себя по доброй воле дураком величает.

– Так меня все зовут. Еще помидоркой называют. – Кайрос улыбнулся. Светлая детская улыбка. Ребенок.

– Ой, а меня Арчик. Давай, перекусим сейчас. У меня тут кое-что осталось. – Пусть будет дурачок, подрастет – поумнеет. С детьми так всегда.

– Спасибо, дяденька, я потом корешков накопаю. – Пообещал Кайрос. Он отыщет самые полезные и вкусные корешки. Они с дедом в лесу луковицы находили. Дедушка найдет такую луковицу, оботрет и ему даст. Настоящее лакомство.

– Ты не стесняйся. Поделим, чего там. Вот хлебушек, мяса немножко. Что есть, чем богат, давай поделим пополам.

Они поделили то, что было в котомке у Арчика. Свет в доме погас. Кто-то вышел на крыльцо. Арчик глянул в щель. Вроде, мужик. Дошел до ворот, выглянул. Постоял немного и вернулся в дом. Прошло не так много времени, как скрипнули ворота. Арчик еще не спал. Он вглядывался в темноту. Группа мужчин входила во двор. Они тихо подошли к дому, вошли в открытую дверь. Хозяин ее не запер. Послышался шум из дома. Крики. Воин насторожился. Не к добру это. Но вскоре все стихло. В окнах появился свет, зажгли то ли лучины, то ли свечи. Из дома вышли два мужика. Нырнули под навес. Вывели пару подвод. Перегрузили с одной подводы что-то на другую. Потом из дома стали выносить тела. Это воин видел четко. Погрузили на вторую подводу. Разбойники. Вот оказывается, что тревожило сердце его спутника. Надо же, а ведь и он мог вляпаться. Убили бы не за что. Денег то у него немножко есть. Но помирать как-то не хотелось. И влазить в эту историю не стоит. Вон их сколько. Кто его знает, справится или не справится, да и за что. Подводы ушли. Хозяин закрыл ворота, ушел в дом, запер за собой дверь, лязгнув засовом. На рассвете Кайрос и Арчик поднялись и тихо отошли от хутора, что бы продолжить свой путь к столице. Вначале шли молча, потом Арчик сказал:

– Ну, Кайрос, спасибо тебе, парень. Учужал ты беду.

– Я говорю, сердцем чую. Предчувствие, дяденька, нехорошее было. Думаю, нет, не стоит. Так оно и вышло. – Про волка он ничего не сказал. Серый брат предупредил об опасности.

– Ладно, идем. Глядишь, и до столицы так дотопаем.

– Дотопаем, дотопаем. – Бодро ответил Кайрос.

Ветерок шепотом напевал свою песню в листе деревьев. Солнце играло тенями. Упруго под ногами двигалась дорога.

– Вы, дяденька воин, коли кушать захотите, вы мне скажите. Мы тут пособираем. Я корешки знаю, какую травку можно есть. Меня дед научил. В лесу летом с голода не помрешь. Всегда можно найти, что пожевать. В лесу много чего есть. Травки, какие есть можно, какие от раны или от хвори. Батюшка лес богатый, добрый и щедрый.

– Любишь ты его, лес?

– Лес то? Конечно. И живность в нем всякая водится. Зайчики, волчата. Они тоже хорошие.

– И волки хорошие? – Ребенок, наслушался сказок.

– Так оно. И кабаны и лоси. Или еще какое зверье. Они только по-своему живут, не так как мы. Что им мешать. Это их царство, а наше царство в деревнях и городах. Они к нам не ходят, нам не мешают, так и мы не должны им мешать.

– Странно ты рассуждаешь. А как на дичь какую поохотиться?

– Не то это. Нехорошо. Пускай живут. – Кайрос говорил по-взрослому убежденно.

– Рассуждаешь ты, парень, как-то чудно. Волки они тоже охотятся. За дичью всякой. Им можно, а нам нет? – Рассмеялся Арчик.

– Не знаю. Волк, он как, он для пропитанья себе. А люди, порой, для забавы. Или шкурка какая понравится. Зачем это. Пускай бегают себе на воле. Им тоже охота. Разве они виновны в том, что у них красивый мех.

– Может ты и прав. Я ведь не охотник. Я воин, ратник. Мое дело жилье чье охранять. Господское. Или с врагом биться. Защищать страну. Охота дело не мое. Охота – дело господское, они пусть и разбираются. – Арчик знал, в дела господ лучше не лезть. Холопам от этого одни неприятности.

– А ты где-то служил?

– Служил у барона нашего. У него дом богатый. Крепким частоколом обнесен. Вот и держал он нас нескольких воинов от грабителей или еще от какой беды чтоб охраняли. Только жаден он. Платить не охота. Я думал, думал. Что уж, не привязан я к этому месту. Семьи у меня своей нет, дома нет. Уголок он мне выделил при своем доме. Там и ночевал. Когда был свободен от службы, ходил к отцу. Чем помочь в поле или по дому. Какая мне разница, пойду, счастья поищу. Вспомнил, дядька у меня в стражниках. Может и не выгонит. Вдруг счастье улыбнется. А ты чем собираешься заняться в столице?

– Работать буду. У меня руки нормальные. С дедом мы дом ремонтировали. С бабкой по огороду работали. В лес ходили по грибы, по ягоды. Соседям, чем мог, помогал, чтоб денег заработать. Бедненько мы жили. Но хватало. А тут, кто монетку даст, кто молочка нальет или еще чего. Хлебушка, опять же. Одежонку дадут. Может и не новую. Посмотри, какая на мне. Вот ведь, ее носить и носить. Им то все равно не надо, вот мне и отдали. У бабушки руки золотые были. Где что подштопает, подошьет, глядишь, мне и впору. Какая разница, в чем работать. Главное чтоб тепло к телу то было. И все. Мне не надо такую богатую одежду. В ней работать неудобно. Это который не умеет работать, тому оно и к лицу.

– Может, ты и прав. – Согласился Арчик. Здраво парень судит, хоть и зовется дурачком.

– Конечно, прав. Вот, дяденька воин, Арчик, посмотри на свою одежду.

– Ну?

– Так тут все по месту. Все по делу. У тебя какая работа? Ратная. Так для ратного дела твоя одежда и хороша. А моя – для другой работы. Чтобы в поле выйти, поплотничать или еще чего. Господская одежда для этого не приспособлена. Не хорошо в ней, не уютно. Потом, мы как, где испачкаешься, где как. Господскую новую жалко. Испачкаешь, куда ее. Ведь не напасешься. Так мне и хорошо. – Рад был Кайрос любой одежде. Не завидовал тому, кто был одет краше. Предложи ему расшитый кафтан – отказался бы.

– Да, Кайрос, хоть и звали тебя в деревне, как ты говоришь, местным дурачком, погляжу, есть что-то умное в речах твоих. Может они ошибались, парень? – Решил высказать свое суждение Арчик.

– Что ошибались то? Я не обижаюсь. Дурачок, так дурачок. Каким родился. Не всем же умными быть. Оно мне сойдет. Сойдет. Что умом то кичиться. Какой есть, такой и есть. Каким меня Светлый призвал в этот мир, таким я и уродился. Нечего тужить. Ты родился воином, вот ты воин и есть. Жизнь у каждого своя и прожить ее надо по своему, чтоб не стыдно было,

когда Светлый к себе призовет. Светлый нас в этот мир позвал для своих дел, каждому свое дал назначение. Так я думаю, дяденька воин.

Часть 3

Главный дворцовый повар Гаттер с утра был ворчлив. А как тут не ворчать? Надо поспеть приготовить завтрак для господ. А там и за приготовление обеда приниматься. Овощей опять не подвезли. Позже привезут! Так он с обедом опоздает. А кому за это отвечать? Ему, главному повару. Что толку говорить управляющему Бордену, тот только радетеля хозяйского добра корчит. Тот еще вор. Но важный, будто сам император. Вот, опять воды в бадьях на доньшке осталось. Ортису, помощнику этого благодетеля, надо сказать. Тот хоть работает. Без него все бы развалилось.

– Эй, парни, – Приказал Гаттер, – живо принести пару ведер воды. А то и посуду помыть будет нечем.

Один из поварят схватил ведра и бросился выполнять указание повара. В дверях чуть не налетел на Бордена.

– Куда смотришь! – Борден с силой отпихнул поваренка. – А ты Гаттер совсем не следишь за этим отродьем. Они так и императора ведром зашибут!

Управляющий величаво прошел на кухню. Осмотрел все. Принюхался. Поесть он любил. Аппетитные запахи успокоили его.

– Гаттер, вели в мою комнату подать завтрак. Утомился я нынче. С рассвета в трудах. – Борден нагло врал. Он только что поднялся. – И смотри у меня, чтоб посытнее. У меня дел еще много, а на голодный желудок плохо работается. Да что с вами разговаривать. Вам бы мои заботы.

Борден развернулся и вышел. Гаттер отвесил подзатыльник подвернувшемуся под руку поваренку. Эх, управляющему бы черпаком по башке!

Через широко распахнутые окна кабинета императора дует ветерок. Его величество Сельгер сидит за столом. Напротив верховный маг Астагер. Слуги принесли завтрак и удалились.

– Что скажешь, маг, об этом вине? – Император сделал глоток из бокала. Улыбнулся. – Его мне привезли на прошлой неделе.

– Вкус изумительный, император. Такое вино нужно приберечь к особому случаю. – Маг поставил на стол свой бокал, одобрительно кивая головой. Он был сведущ не только в магии, но и в виноделии. Искусство виноделия почитал равным магическим наукам. Творить волшебство пьянящего напитка сложно. Требуется знаний и мастерства.

– А что творится в наших землях, Астагер? Ты давно не замечал активности черных магов? Это меня радует и беспокоит. Не замышляют ли чего? – Сельгер делал вид, что ослабил бразды правления. Все передал сыну.

– Меня это тоже беспокоит, Сельгер. Долгий срок прошел с той поры, когда Темные пытались пробиться в наши земли. Не думаю, что они оставили эти мысли. Выжидают. Слышал, у барона Вернера был мятеж. Крестьяне взбунтовались. Он ввел дополнительные подати на своих землях.

– Чернь вечно недовольна. Им кажется, они голодают. – Император поморщился. – Обязанность крестьян воздавать должное своим господам. Бароны защищают их. Содержат воинов, рискуют своей жизнью в лихие времена. – Мой сын часто проявляет слабость в отношении простолоудинов. Прав тот барон, который сурово карает бунтовщиков. Мрут от голода одни бездельники. Народа у нас предостаточно, недовольных надо примерно наказывать, наказывать смертью.

– Не стану спорить, Сельгер. Но иногда полезнее бросить кость голодной собаке. А вино, на самом деле, отличное. – Маг сделал еще глоток напитка из бокала. – Но стражу не помешает

увеличить. Набрать молодых воинов. Из самых голодных. Прикормить их. Пусть лижут руку хозяина, дающего им пропитание.

Дорога Арчика и Кайроса подходила к концу. Столица была близко. День, другой и они доберутся до центра их мира. Они прошли через деревню. Арчик прикупил здесь хлеба, овощей.

– Мы перекусим с тобой, Кайрос, где-нибудь. Нам до столицы надо добраться побыстрее.

На том и порешили. В деревне задерживаться не стали. Топали дальше по дороге. Дошли до моста через реку.

– Об этом мосту мне и говорили. – Сказал воин. – Здесь передохнем и перекусим. Дальше пойдем. Тут не так далеко. Мне знающие люди рассказывали.

Отошли немного в сторону, присели на берегу. Арчик стал доставать провизию. Достал кружку.

– Попить надо. Вода свежая рядом. В моей фляге она теплая. Похолоднее хочется. – Воин направился к воде.

– Погоди, Арчик, нехорошо оно так. – Остановил Кайрос.

– Чего нехорошо? – Что худого в том, чтоб испить прохладной воды из речки.

– Речку то тревожить. Она вон воду несет. А мы так взяли и отняли у нее водичку.

– Так все так поступают. На то она и река, чтоб воду людям давать. – Не мог Арчик понять слов своего спутника.

– Не гоже так, дяденька. Она трудится. Попросить ее надо. – Кайрос подошел. Что бы забрать кружку.

Да, – подумал про себя воин, – есть у него в голове нечто не от мира сего. Вот дурачком и прозвали. Чудит, но никому не мешает. Пусть. Отдал кружку.

– Черпай, как ты хочешь.

Дурачок подошел к берегу, наклонился к воде.

– Матушка речка, ты водицы нам дай. Мы устали. Шли долго. Пожалей нас, матушка. Облагодетельствуй нас. – Прислушался к чему то. Потом зачерпнул воду и протянул кружку Арчику. – Пей.

Тот жадно стал пить. Действительно, хорошая вода в речке, вкусная. Потом и Помидорка напился. Сели у воды.

– Давай, поедим. – Предложил воин.

– Вы кушайте, дяденька. Я корешков собираю сейчас. – Кайрос поднялся, что бы пойти за корешками.

– Да кушай ты. Ты вот с рекой, не положено. А у нас воинов с кем в одной рати или в походе идешь куском хлеба делиться положено. Обычай у нас такой. Нельзя его нарушать. – Арчик понял, парень стесняется есть чужой хлеб. В обносках ходит, ест, что за его труд люди дадут. Малым довольствуется.

– Коли так, – согласился Кайрос, – не станем нарушать твой воинский обычай. У воинов обычаи справедливые. Но корешков я потом соберу.

И они вместе поели. Место, где сидели, прибрали. Что осталось из еды сложили в суму воина. Пошли к мосту, перешли его. Двинулись дальше. Шли, видать, не достаточно быстро. К городу подошли, когда городские ворота были закрыты.

– Что, друг мой, – заявил Арчик, – ждать утра придется. Пойдем, местечко себе найдем и дождемся утрочки.

Отошли в сторонку от ворот, устроились возле стены подремать и дожидаться открытия ворот. Когда рассвело, ворота открыли. Они вошли в город.

– Вот, Кайрос, пришли. Сейчас разойдемся, что ли. Ты что будешь делать? – Арчик не знал, стоит ли паренька одного отпускать в городе. Он и свою судьбу не знал. Как примет его дядя?

– Я работку поищу. Авось кто и даст. – Кайрос улыбнулся светлой улыбкой, полной надежды.

– А я дядьку поищу. Ты не теряйся. Город большой, народа много. Если что, сюда к воротам приходи. Я буду здесь бывать. Глядишь и встретимся. Не ровен час, не найти друг друга.

– Хорошо, дяденька. – Пообещал парень.

Арчик ушел, а Кайрос оглядывался по сторонам. Народа здесь было тьма тьмущая. Если всех жителей его деревни разом выгнать на улицу, так и то столько не будет. Надо же, изумлялся Кайрос. И дома какие. Ладные и богатые все. Этажа в два, а то и в три. На окнах богатые наличники. Резные. А кровли какие. Рассказывал ему дед о таком чуде. Говаривал. Видать, в юности бывал в городах больших. Чудно. Кайрос плутал по улицам. Это тебе не лес,. Здесь и заблудиться можно. Куда здесь, какая дорога, ведет, и не знаешь. Добрался до места, где базар. Тут и лавки и мастерские. Первым делом он пошел туда, где с деревом работают.

– Дядечки, у вас работы не найдется? – Спросил он у мастера.

– Ступай, ступай, парень. Не мешайся. – Прогнали.

Пойду дальше, решил он. Кайрос обходил одну мастерскую за другой.

– Мне б работу какую. Я парень крепкий. Руки хорошие, работающие. Я все могу.

Всюду получал отказ. Мастерской люд посмеивался: опять деревенщина пришла. Вот так он и ходил. Дошел до мастерских железных дел.

– Дядечки, работка какая есть? Что поднести, что унести? Я мигом. Я крепкий, смотрите.

– Иди, парень, отсюда. Иди. Нет никакой работы. Ходят тут.

Так Кайрос мотался по городу, пока не стемнело. Улицы пустыли. Редкие прохожие. В его деревне в этот час на улице никого не было. Тут в окнах свет горит. Устал он. Находился. Немного отчаялся. Потом решил, не сыскал сразу работы, так потом. Может, завтра. Свет в окнах гаснуть стал. Начал накрапывать дождичек. Куда бы пристроиться, приютиться. Вот дом двухэтажный. У входа навес, крыльцо деревянное. Может здесь? Кайрос залез под навес. Ветер дует. Но зато на крыльце можно поспать. На дереве теплее лежать. Свернулся он на крыльце калачиком, подсунул руку под голову и уснул. Проснулся парень рано и поспешил убраться с крыльца. Вряд ли хозяева будут рады, что он валяется тут. Вновь шел по улице, удивляясь. Вот ведь оно камнем все вымощено. Оно потому и чисто кругом. Удивительное дело город. Люди стали выходить из домов. Куда идти то? Вон улица широкая. Тут много домов богатых, поспрашивать, так может работу дадут. Он побрел по этой широкой мощеной улице. Кайрос понимал, богатые люди рано не встают. Стучаться по домам еще не срок. Так и дошел до местечка обнесенного стеной, в стене широко распахнутые ворота. Подошел к воротам, за ними домина то, домина. Так дворец же это, понял дурачок. Красивый. Ему хотелось подойти поближе, посмотреть. Он прошел. Смотрел, распахнув широко глаза. Окна-то какие. Ой, все резное. Колонны и опоры какие, загляденье. Он действительно загляделся, глаз не мог оторвать от красоты такой. Люди во дворе сновали туда, сюда, а он смотрел. Зазевавшись, налетел на кого-то.

– Ой, – сказал он, весь сжавшись, – дяденька. Перед ним действительно был дяденька воин, с которым они шли вместе. – Дяденька Арчик, вы?

– Я, Кайрос. Что ты здесь делаешь? – Арчик был рад встрече. Не потерялся паренек в большом городе.

– Не знаю, шел, загляделся. Дом-то, какой красивый. Я задумался и не видел вас.

– Работу нашел, парень? – Как устроился мальчишка на новом месте. Он же дурачок, немного не в себе. Пропасть может.

– Нет, не нашел. А вы дядю нашли? – У Кайроса за всех душа болела. Беда, если не встретились дядя с племянником.

– Нашел. Он меня сюда стражником и пристроил. Нынче моя смена караулить. С утра заступил. Слушай, парень, видишь дядька. Вон! Камзол темно-малиновый. Видишь? – Дядька

первым делом представил его помощнику управляющего дворцом. Ортис ведал наймом слуг и отдавал распоряжения начальнику стражи по охране дворца.

– Вижу.

– Это, кажись, заместитель управляющего. Говорят, мужик не вредный. Попробуй к нему подкати. Может, какую работу даст. Во дворце часто требуется кто-то. Тебе должностей больших не надо.

– Нет, конечно. – Кайрос готов согласиться на любую работу. Ему б крышу над головой и кусок хлеба.

– Давай, иди. – Арчик подтолкнул парня.

– Боязно. Господин вон какой.

Но делать нечего. Кайрос подошел, поклонился.

– Господин, позвольте...

– Чего тебе? – Ортис неприязненно посмотрел на мальчишку.

– У вас господин, работы какой для меня не найдется? – Робкий взгляд, простодушное лицо.

Господин с высока посмотрел на парня.

– А что ты можешь? – Может и в правду взять на работу этого оборванца. Большой платы не попросит. Припомнил, повар сетовал, не принесли вовремя воду.

– Я все могу. Вот поглядите, и сильный. И починить что могу. Что принести, помыть. Огород прополоть.

– Огород полоть мне не надо. Вот что, пойдём. – Господин двинулся вперед.

Кайрос последовал за ним. Обошли дворец, вышли на задний двор. Люд здесь был попроще, но бегал шустрее. Они подошли к двери, вошли внутрь.

– Сейчас спросим, – они зашли на кухню. Пахло хорошо. – Где шеф-повар? Где Гаттер?

– Здесь я, сиятельный. – Откликнулся повар.

– Ты говорил, что тебе надо, чтоб кто-то воду таскал. Вот парнишка будет. Возьмешь. Потом пусть полы на втором этаже моет. Старшему уборщику скажешь. Поселят пусть в каморку на чердаке. – Была там какая. Вот и решен вопрос. Ортис был доволен собой. – Работать парень будешь хорошо, повар тебя и накормит. Гаттер, если что останется от господ, покормишь парнишку. Из остатков, чай наберется для него.

– Наберется. Наберется, сиятельный. Остатки всегда есть. – Одной заботой меньше. Остатки еды всегда есть. Готовят с избытком.

– Вот и оставайся с шеф-поваром. – Ортис удалился.

Гаттер провел Кайроса вглубь кухни.

– Бери ведра. Выйдешь, справа колодец. В баки воды натаскай, вот в эти. – Указал на три огромных бака. – Посмотрим, какой из тебя работник.

– Сейчас, господин хороший. Сделаю. – Кайрос схватил ведра и бросился на выход. Справа нашел колодец. Подошел, заглянул вглубь. В темноте плескалась вода. Кайрос еще раз заглянул.

– Колодец, колодец, дай водицы напиться. Дай свежей, да хорошей. Будь милостив, будь ласков. – Прошептал дурачок, сбросил привязанное к вороту ведро вниз, зачерпнул воду. Вертел ворот. Воду перелил в свои ведра. С этого он и начал службу во дворце. Пришлось бегать много раз, чтоб наполнить баки. Закончил.

– Господин повар, я закончил. – Кайрос был рад, он нашел работу. У него будет, где провести нынешнюю ночь.

– Пойдем, сейчас тебя пристрою. Молодец, быстро натаскал, а то б живо у меня отсюда вылетел. – Гаттеру понравилось, как быстро парень выполнил работу.

– Я стараюсь, господин. – Он чуть покраснел от похвалы.

Они нашли какого-то господина. Одет он был не так богато, как заместитель управляющего, но хорошо.

– Гегер, этого парня господин Ортис прислал. – Повар передавал слугу главному уборщику дворца. – Парень у меня воду носит. Велено, чтоб полы мыл на втором этаже. Покажи ему. Пусть в каморке на чердаке поселиться.

Господин Гегер показал, где тряпки и ведра лежат.

– Мыть будешь с того конца коридора до этого. Смотри, чтоб чисто было. Без соринки. – Справится – хорошо, не справится – пусть отвечает управляющий.

– Сделаю, господин. – Работа не сложная. Он постарается.

– Пойдем, твои хоромы покажу. – Гегеру понравилось, деревенщина почтительно стоит перед ним.

Они поднялись до самого верха по боковой лестнице. Пыльный коридорчик и маленькая дверка.

– Вот здесь, – господин открыл дверку, – и будешь жить.

Комната была небольшая. Столик, стул, оконце. Все пыльное. Кровать. На кровать брошен рваный матрац и некое подобие подушки.

– Здесь будешь спать. Да смотри, с утра пораньше вставай. Сейчас иди, полы мой. Потом на кухне дадут тебе поесть.

– Спасибо, спасибо. – Кайрос кланялся. Внутри него все пело. Работу нашел. Кормить будут и есть где ночевать. О таком можно только мечтать. Платить не обещали. А ему зачем? И раньше денег в руках не держал. Ему бы еще старенькую одежку потом к зиме добыть. Так оно, хорошо-то как. Кайрос спустился вниз, загремел ведрами. Он удивлялся широким коридорам, таким же широким и величественным лестницам. Статуи и картины. Раньше он не видел ничего подобного. Полы, покрытые плиткой. Тут все должно быть в идеальном порядке. Со всем усердием стал мыть полы в коридоре. Старался во всю, мыл тщательно, аккуратно. Он встал на колени и протирал углы, где стена примыкала к полу, что бы там пыли не было, а то не ровен час. Он ползал и протирал. Как кто-то запнулся об него.

– Черт, лезут тут под ноги. – Услышал он мужской голос.

Кайрос обернулся через плечо. Высокий статный мужчина в светлом камзоле. Правильные черты лица. Молодой.

– Что ползаешь тут? – Вновь спросил мужчина.

– Дяденька, я пол мою, – растерялся Кайрос.

Тут подлетел тот господин, который приставил его к этой работе.

– Ой, мой принц, я этого сейчас выкину. Чтоб под ногами не путался. Сейчас, принц.

Так это что, сам принц? – подумалось парню. – И он ему под ноги полез.

– Не трогай ты его. Видишь, парень делом занят. Это я виноват. Не разглядел я его. Задумался.

– Оно понятно, мой принц. У вас дела государственные, а тут всякая нечисть под ногами крутиться. – Гедер низко кланялся принцу.

– Оставь ты его, – принц начинал сердиться, – в покое. Работает парень, ну и пусть. Да, ты вели ему в моих покоях пол подтереть. Вчера лорд Керр вкатился. Где его носило, весь пол истоптал. В грязных сапожищах.

– Сделаем. Сделаем, ваше сиятельство. – Гедер облегченно вздохнул. Принц не в претензии, это главное.

– Так пусть делает. Я к батюшке. Вернусь, не знаю сколько там пробуду. Думаю, управится к тому времени.

Принц ушел.

– Эй, ты, придурок, живо в покои принца. Иди. – Гедер открыл красивую резную дверь и втолкнул парня туда.

Кайрос оглядел комнату. Светлая и просторная. Шикарно обставлена. Не видел он еще такой мебели. Дерево какое хорошее. Все полированное, кругом вензеля, узоры. Хорошо работал мастер. Вот бы ему, Кайросу, так сподобиться. Такое бы вырезать. Аж дух захватывает.

– Не глазей, видишь пол грязный. – На полу, действительно, были отпечатки сапог. – Давай, живо, здесь и там подтирай. А то принц вернется, нам с тобой головы не сносить.

Гегер ушел. Кайрос сбегал за свежей водой, промыл тряпку и начал подтирать пол. Делал он это тщательно, очень старательно. Работу он получил. Надо показать, что умеет он все это делать. Чтоб хорошо все было. Правда, время от времени он все-таки бросал взгляд то на один предмет мебели, то на другой. Какие ножки стола. Точеные, резные. Мастер работал. Кайросу от деда передалась любовь к этому теплому ласковому материалу. Дерево. Шкафы, тумбы. Кругом занавесы из дорогого материала. Статуя рыцаря на коне в углу комнаты. На такую работу можно долго глядеть, любоваться. Закончил. Взял тряпку, ведро с грязной водой. Остановился еще раз осматривая комнату. Открылась дверь. Вошел принц.

– Ваше сиятельство, – робко обратился Кайрос.

– Что, закончил? – Спросил Александр немного раздраженно. Он не любил, когда его личных вещей касались чужие руки. И слуги, как назойливые мухи, слоняются в его комнатах. Пусть прибирают в его отсутствие. Его раздражало, что прислуга переставляет вещи, перекладывает что-то на столе. Каждый штрих должен сохранять постоянство.

– Да, закончил. – Пробормотал Кайрос.

Принц осмотрел пол. Неаккуратно разложенные бумаги и письменные принадлежности на столе. Все было так, как он оставил. Ни одного приметного изменения. Каждый штрих на своем месте. Но при этом все приобрело ощущение чистоты и свежести. Как этот мальчишка сумел так навести порядок. Впрочем, какая разница. Этому пареньку можно доверить уборку в покоях.

– Хорошо. Чисто. Ступай. – Александр отпустил слугу.

Он сел за свой стол. Задумался. Разговор с отцом не доставил ему радости. Император велел отправить специальных гонцов в несколько поместий по выбору. Гонцы должны тайно получить сведения о том, какие налоги выплатил владелец замка. Сравнить с записями в налоговом реестре. У Александра было такое чувство, словно ему поручили выследить и донести на министра финансов. Неприятное чувство. Он воин, а не шпион. Не руководитель охранного отделения. Сегодня принцу показалось, что Верона была с ним холодна. Мимолетный взгляд, кивок головы. Неприятная мысль: вдруг юная графиня затеяла игру с каким-либо юным повесой. Демонстративно выказывает холодность к Александру и благосклонность к юному рыцарю. Это задевало самолюбие принца. Не ревность, лишь досада. Если б принца спросили, считает ли он себя неотразимым, он ответил бы отрицательно. Но каждый мужчина считает себя совершенством, и все, что способно поколебать это мнение раздражает. И Рену, чудесную фрейлину двора, он сегодня не встретил. Она с охотой поможет ему восстановить покой в сердце. Некоторым беспокойством на шелке простыней. Отправить ей записку. Да, послать слугу. Росс отнесет короткую записку. «Я умираю без твоей улыбки. Один лишь взгляд, прекраснейшая Рена. Жду». Принц дернул за шнуры звонка.

Кайрос с позволения высокой особы ушел. Вынес помои, тряпку повесил сушиться. Пошел на кухню. Робко зашел, ища взглядом главного повара. Увидев его, улыбнулся.

– Дядечка, а покушать можно? – Кайрос почувствовал острый приступ голода от запаха вкусной еды на кухне. Молодой организм настойчиво требовал пищи.

– Сейчас, посмотрим, что тут есть. Так.... – Гаттер стал осматривать котлы. Что там осталось. Не стоит баловать слугу разнообразием, но все равно остается много пищи. От такой малости ничего не изменится. Все равно остатки отправляют на псарню.

Парень увидел на столе помидорку. Аж дух захватило. С одной стороны она была подгнившая. Разница-то какая, это ж помидорка. Он так их любит.

– Сейчас, налью тебе остатки супа. – Шеф-повар налил тарелку супа. Поставил тарелку на стол, дал ложку, ломоть хлеба. Указал на помидор. – Это можешь съесть, все равно сгниет.

Кайрос был счастлив. Но счастье его было недолгим. Вошел важный господин. В длинном синем камзоле. Голубая рубашка с пышным жабо. Трость с золотым набалдашником в руке.

– Эй, Гаттер, это кто такой? – Спросил, презрительно поджав губы, управляющий дворцом Борден.

– Водонос наш новый. Водичку таскает. Вот покормить. – Повар робел перед заносчивым управляющим. Ненавидел его, но ссориться боялся.

– Ты чего делаешь! Хозяйское добро совсем не бережешь. Это что? – Без его личного досмотра, Э без вмешательства все разбазарят. За каждой мелочью надо следить. Если расходовать все с умом, то и для себя можно малость отщипнуть. За тяжкие труды, неустанные заботы не грех и о себе подумать.

– Остатки супа были. – Ворчливо ответил Гаттер. Управляющий суется, куда его не просят.

– Остатки! Кому другому сгодиться. А этому, что останется. С тарелок будешь недо-еденное сгребать, и пусть жрет, деревенская свинья. А это, ты чего разорить его величество решил? – Управляющий был грозен. Он защищал интересы высшего порядка, интересы императора. Он костями ляжет в борьбе с разорителями казны. – Государство хочешь разорить. Помидорами его кормить. Ты скоро слуг будешь золотом кормить.

– Господин Борден, помидор подгнил. – Попытался возразить главный повар. Но опасался, что этот чванливый дурак побежит с доносом к министру финансов или императору. Борден мастер клеветы, не отмоешься.

– Подгнил, так выбрось. – Господин схватил помидорку и кинул в ведро с объедками. – Ты жри быстрее и убирайся. Ты этой деревенщине, что в ведре собираешь со столов, отдавай в следующий раз. Что выберет, то его. Остальное на скотный двор. Смотри у меня, Гаттер, я Его Величеству доложу, как ты разбазариваешь деньги короля. А этого вышвырнут. Приходят обжираться. – Борден вошел в раж, он почти кричал, брызгал слюной. Выдохся. Сколько трудов положил на борьбу за сохранение хозяйского добра. Тяжело дышал.

Вельможный вышел из кухни, забыв в гневе, зачем заходил.

Кайрос посмотрел на дверь и тихо произнес:

– Лестница тебе под ноги. – Повернулся к тарелке супа. Доел. Часть куска хлеба спрятал за пазуху. Посмотрел, никто не смотрит на него. Ловко залез рукой в ведро с отбросами, выхватил оттуда помидорку и спрятал ее под рубаху.

– Господин главный повар, я пойду? – Спросил Кайрос.

– Ступай. Пришел тоже этот управляющий на мою голову. – Повар ворчал. Явно они с управляющим не любили друг друга. Но из-за мальчишки ссориться с управляющим не соби-рался.

Кайрос поднялся на чердак в свою комнату. За окном темнело. Кайрос тряпкой протер стол, положил на него помидорку, остатки хлеба. Присел на постель. Сидел и любовался на свое чудо. Нашел еще тряпочку, протер красные бока помидоры. Сидел и говорил:

– Какая ты красивая. Помидорка. Я тебя съем, помидорка? Ты погоди.

Кайрос взял тряпку, которой протирал стол. Этой тряпкой попытался протереть окно. В комнате стало чуть светлее. Где бы еще что достать. Тряпиц, чтоб окно завесить, как дома у бабушки. Совсем было бы хорошо. Вернулся к помидорке. Пальцем убрал сгнившую часть. Остальное смаковал, заедая остатками хлеба. После лег на рваный матрац, положил голову на грязную подушку. Закрыв глаза и блаженно уснул.

Заходящее солнце вот-вот коснется своим диском вершин гор. На одной из вершин неприступный замок Ашар. Темные стены замка плывут в красноватой дымке. Резиденция Темного Владыки. Владыка Холин любит это свое гнездо. Здесь ему лучше думается, он при-

нимает самые важные решения. Холин сидит за столом в кресле с высокой резной спинкой. Он пожелал перед встречей со своими сановниками выпить чашку крепкого кесса, бодрящего чуть горьковатого напитка. Молодой раб Теко, старается не смотреть на лик Владыки. Такой взгляд – дерзость, достойная самой страшной смерти. Раб склонил голову и следит за движением руки господина. Чуть приметное движение пальцев Холина требует налить напиток в чашку. Теко берет сосуд с кессом и тонкой струйкой льет напиток в чашку. Всем телом он чувствует тяжелый взгляд Владыки. Рука Теко дрогнула, и кесс пролился на стол. Парень вздрогнул, как от удара плетью. При этом еще больше расплескал напиток. Руки раба дрожали. Гнев Владыки будет ужасен.

– Ты не способен служить своему господину. – Печальный, тихий, почти ласковый голос. Именно так Владыка отдает свои самые страшные приказы.

Теко упал на колени перед своим хозяином.

– Владыка, пощады! – Плечи парня вздрагивают. Он напуган.

– Приблизься, раб.

Теко на коленях ползет к ногам хозяина. Припал к земле, боясь коснуться ног Холина. Взглянуть на собственную смерть.

– Подними голову. – Приказал Владыка.

Тако разогнул спину, взгляд опущен. Рука Холина коснулась подбородка раба. Он заставил раба поднять голову.

– Посмотри мне в глаза, раб. – Приказ, который раб не смел выполнить. Это ужасная смерть.

– Нет. Нет, молю, Владыка. – Голос срывается. Но рука хозяина заставляет поднять лицо, взглянуть в глаза хозяина. Теко замолк в ужасе.

– Я безмерно милосерден, раб. Я дам тебе шанс искупить вину. Ты будешь по-прежнему прислуживать мне за столом. – Страх в глазах раба был по нраву господину Темных. Сегодня он принял решение начать борьбу со Светлым. Это смягчило его сердце. – Но с этого дня ты по вечерам будешь в моих покоях служить подставкой под ноги. Ты будешь стелиться мне под ноги, когда я буду отдыхать, сидя в кресле.

Холину показалось, будет очень уютно опираться ногами на обнаженную грудь раба. Ощущать под ступнями тепло тела, мягкость кожи. Вытирать ноги об это покорное тело. Пусть живет раб.

– Сейчас свободен. Для тебя это не только милость. Это честь для низкороджденного. Касаться своим нечестивым телом ног своего хозяина. Ступай.

Раб удалился. Холин улыбнулся. Тонкая хищная улыбка. Пора в тронный зал.

Вопреки молве, Ашар не был мрачным черным гнездом. Наоборот, в каждой комнате много света. Яркие краски. Трон выполнен из стали, украшенной золотом и драгоценными камнями. Сидение из ценных пород дерева. Сверху положена подушка с овечьей шерстью. Зал украшают колонны из розового мрамора. Статуи воинов в нишах. Прямо в полу выполнены отверстия, куда высажены карликовые вечнозеленые деревья. Пятеро вельмож ожидают появления своего Владыки. Холин прошел в зал и занял свое место.

– Господа, я собрал вас для того, чтоб сообщить, время настало. Мы вступаем в борьбу со Светлым. Командор Кессарий, готовь армию. Мы выступим, как только будет знак. Ты готов?

– Владыка, – Кессарий не скрывал своей радости, – воины готовы выступить хоть завтра.

– Не торопись, командор. Русский, наш главный маг, ты начнешь первым. Мы ослабим врага, вымотаем его. Потом наши войска приступят к делу. Кессарий, ты уничтожишь непокорных. Готовых склониться перед нашей волей закуешь в цепи. Всех обратишь в жалких рабов. Засей поля трупами. Их вдовы, дочери и сироты станут товаром на наших рынках. Так повелел ваш Владыка!

Часть 4

Солнце еще не озарило землю, когда главный дворцовый конюх вышел из своей коморки при конюшнях. Он хромотал с той поры, когда в одном из боев его лошадь убили. Она упала и придавила Сола. Многочисленные раны и хромота делали его службу в войсках невозможной. Но он славился, как отличный наездник. В качестве награды за воинскую службу ему было позволено остаться при конюшне. Прошли годы, и он стал главным конюхом. Он любил лошадей и знал к ним подход. Коморка при конюшне и жалованье позволяли ему жить. И забота об этих прекрасных созданиях. Больше у него ничего в жизни не было. Вот и старость подошла. Скоро ослабеют руки, и он будет не нужен. Благо, если позволят дожить свой век вблизи лошадей.

Старик прошел к стойлам. Пора задать корм. Почистить гладкие бока любимцев. Лошади, почуяв Сола, фыркали, перебирали копытами. Они ждали прикосновения его ласковых рук. Сол подошел к гнедому принца. Гладил морду.

– Ну, вот, еще пришел один день. И я с вами. Сколько Светлый позволит мне быть возле вас. Однажды утром кто-то другой выйдет к вам. Я не хочу вас покидать, да все в воле бога.

Сол хлопотал возле лошадей. Он не услышал, как подошел Брилл, главный псарь. Он был ровесником Сола. Они дружили.

– Да будет радостен твой труд, Сол, – услышал голос со спины. Обернулся.

– Пусть и твой труд будет радостным, Брилл.

– Вряд ли. Совсем извелся. И всех моих парней извела эта бестия. Как оценилась, словно озверела. – Брилл говорил о Марте, сторожевой собаке. В его ведении были грозные боевые псы. Особая порода. Их использовали для несения боевой охраны. Огромные злобные звери. Они к себе мало кого подпускали. Такой пес легко мог загрызть не одного воина. Свиные создания. Было обычным делом, после того, как сука оценится, она дня три не подпускает к своим щенкам ни людей, ни других псов. Марта была особо свирепой. Уже больше недели не подпускала егерей и своего кобеля к себе. Кобель, от которого она понесла, сидел в одном вольере с ней, но не решался приблизиться к своему потомству. Корм приходилось задавать на длинной палке. Никто не смел войти в вольер. Боевых псов выгуливали ночью. Опасно их выпускать на волю днем. Могут броситься на случайного человека. Остановить такого зверя практически не возможно.

– Марта так и не подпускает никого? – Спросил Сол, вздохнув.

– Нет. Она и глядеть на свой выводок не позволяет. Рычит.

– Трудна твоя служба, друг. Уповай на Светлого.

– На него одна надежда. – Старики стояли друг против друга, сочувственно вздыхали. – Я вечером зайду к тебе, вспомнить старые добрые времена, Сол. Не возражаешь?

– Заходи. Хоть вспомним о хорошем. Не все печалиться. Не тот я стал, старею. Погонят меня в шею, один останешься. Не с кем будет посидеть.

– Не выдумывай. Тебе сил еще не занимать. Это меня погонят, если Марта не образумится. Пойду. А ты о том не думай. Мы послужим несколько годков.

Брилл повернулся и пошел на псарню. Скорбно опущены плечи, тяжестью лет сторблена спина. Глаза Сола затуманили слезы.

Проснулся Кайрос рано утром, и в самый раз, вовремя. Слуги уже начинали работу, а господа еще спали. Он спустился вниз на кухню.

– Ведра держи, – сказал главный повар, – воды натаскай. Поешь потом.

Повар был не в духе, не мог отойти от разговора с управляющим. Воду Кайрос быстро принес.

Принести воду – работ простая. Она есть теперь у него. Можно внимательнее оглядеться. С этой стороны дворца нет нарядных аллей и фонтанов. Хозяйственные постройки.

Поодаль конюшни. Кусты, за которыми виднеется крепостная стена. Каменная мостовая. Даже в лучах яркого света казалось, что это место покинул праздник и не вернется. Кайрос подошел к колодцу, заглянул в его мрак. Отступил.

– Батюшка колодец, прости, что вновь тебя тревожу. – Говорил парень. – Дай воды свежей и студеной. Не поскупись. У тебя не убудет. Глубину твою почитаю.

Мальчишка низко поклонился колодцу. Ему было невдомек, что кто-то видит все это. Но слуги приметили. После судачили.

– Этот деревенский дурачок бьет поклоны колодцу.

– С чего бы это? Врешь.

– Правда все. Сама погляди.

– Так им в деревне все в диковинку. Они привыкли пить из реки или ручья. Каменный колодец с воротом впервые увидал.

– А как одет? Оборванец. В такой одежде на улице стыдно показаться.

Они привыкли видеть господ. Этим кичились. Бароны, графы. Дорогие одежды, платья. Блеск драгоценностей. Одежда челяди по сравнению с этой была невзрачной. Но на фоне обносков Кайроса они выглядели богачами. Приятно знать, есть те, кто тебя беднее. Плохое настроение – пойди и посмотри на деревенского дурочка. И жизнь заиграет новыми красками. Но все это так далеко от мира Кайроса.

Парень наполнил бадьи водой. В самый раз позавтракать. Перекусить и приняться за другую работу.

– Господа еще не завтракали. После них что останется. Тогда и придешь. – Сказал повар. Успеет оборванец поесть. Не до него.

Кайрос отправился мыть полы в коридоре. Тер усердно. Останавливался перевести дыхание и посмотреть на статуи и картины в коридоре. Любовался работой мастеров. Он почти закончил, когда из своих покоев вышел принц.

– Ваше высочество, в вашей комнате помыть? – В чудесных комнатах принца следует поддерживать особую чистоту. Там столько прекрасных вещей.

– Что? А, можешь прибрать. – Принц отмахнулся от парня, не до того ему было. Ушел.

Кайрос домыл пол в коридоре. После перешел в покои принца. Здесь он все мыл так же тщательно, протирал ножки стола, стульев. Очень старался. Любовался резьбой. Закончил. Время было к обеду. Ему хотелось есть. Убрал ведра, повесил сушиться тряпки и пошел на кухню. Робко заглянул.

– Господин главный повар, покушать можно?

– Припозднился ты, парень. Господа кушают, когда закончат, не знаю. А то, что от завтрака осталось, опоздал. Со всех тарелок уже все в бачок слили.

– Хм, – простонал Кайрос.

Один из поваров засмеялся:

– Коли хочет есть, пусть из бачка и ест. Все равно свиньям вываливать. – Пусть придурок на равне со скотом жрет. Так и надо деревенщине.

– Хочешь, ешь, – сердито заявил главный повар, – вот тебе миска и ложка. Только после сам посуду помоешь. Да не ставь свою посуду с чистой. Не чего поганую посуду с чистой путать. – Что ему до этого парня. Попрошаек и нищих развелось сотни. Каждый должен сам о себе заботиться. Чужое горе – не мое.

Делать было нечего. Кайрос нагреб остатки каши, сваленной в бачок, себе в миску. Присел на стул. Миску держал на коленях, начал есть кашу. Поел. Вымыл мисочку и аккуратно поставил ее на шкафчик, в уголок, чтобы никому не мешало. Вышел. Свою дневную работу он сделал. Надо только к вечеру воду принести. Оглядеться захотелось по новой. Может, что упустил. Вышел во внутренний двор. Здесь сустились люди. Дворцовая прислуга. Время от времени проходили стражники. Вон оттуда вывели коня. Там, решил он, конюшни.

Не ошибся в прошлый раз. Поглядеть бы. Он осторожно прокрался. Мало ли, не очень хотелось заработать подзатыльник. Прошел. Да, вот это кони, не то, что их деревенские. Вон, какие бока лощеные, сами стройные. Такими только любоваться. Он подошел к одному стойлу. Лошадь заметила его, потянулась к его руке теплыми губами.

– Эй, ты, что ты тут делаешь? – Услышал он окрик.

– Я лошадку хотел посмотреть. – Кайрос стоял с опущенной головой. Он только посмотреть. Ничего плохого он не делал.

– А? – Протянул седой мужчина. Прихрамывая подошел к парню.

– У нас в деревне таких не было. Красивая. – В глазах восхищение. Понравились мальчишке лошади.

– Здесь все красивые, – пожилой мужчина одобительно качал головой. – Лошадей любишь?

– Я всех животных люблю. И лошадок люблю. Хорошие они. – Признался мальчишка. – Я в нашей деревне соседям со скотом помогал.

– Хорошие. – Мужчина порылся в кармане. Достал морковку, протянул парню. – На, угости лошадь.

Кайрос протянул угощение лошади, та приняла его с благодарностью.

– Хорошая она. – Вновь ласково сказал Кайрос. Погладил морду лошади.

– Хорошая. У господ всегда хорошие, других не держим. – То ли с гордостью говорил Смол, то ли с печалью. Не малых денег стоит такой скакун. И содержать его не просто. Тут и стать и ум. А сколько благородства.

– Дяденька, а мне можно иногда приходить, посмотреть. Я и помочь могу чем. Почистить коней. Корм дать. – Уж больно хотелось парню возле такой красоты быть. Об оплате и не думал. Оно в удовольствие. Все живое и сущее прекрасно, но есть особенно совершенное в этом мире. Как те картины и статуи во дворце. Но тут иначе. Это сама жизнь, ее прекрасное мгновение. В былинке, в распускающемся бутоне цветка сияние мира, волшебство. Как можно отказаться прикоснуться к этому.

– А ты умеешь с ними обращаться? А то какая и взбрыкнуть может. Копытом то ударит. – Старик посмотрел на мальчишку. Он и сам начинал общаться с лошадьми в раннем детстве. Даже моложе был. Околдовали они его своим совершенством. До сих пор видит утренний туманный луг. И скачущего гнедого жеребца.

– Да, нет, не ударит. Можно? – В глазах: дяденька, позволь. Я все отдам, позволь!

– Можно. Иди вон ту почисти, а я погляжу. – А вдруг из парня толк выйдет. Посмотреть надо мальчика в деле.

Кайрос пошел чистить лошадь. Чистил он лошадь бережно, ласково. И той это явно нравилось. Она чувствовала любовь, исходившую от парня. Конюх тоже заметил, лошади нравятся, как парень ухаживает за ней. Он закончил чистить лошадь. Гладил ее по гриве и приговаривал:

– Хорошая, славная лошадка. Ветер не догонит тебя в поле. Кручи одолеешь, ущелья перепрыгнешь. Стать в тебе и сила. – Словно благословение творил. В ласковом голосе, в его напевности сила уверенности. И при этих словах будто стати прибавилось в животном. Обретение силы.

– Ладно, парень, можешь приходить. Глядишь, когда и поможешь нам. Заходи, не робей. Только ты смотри, вон там воротца, туда заходить не смей, не ходи. – Паренек молодой, сунется с дурру на псарню. Боевые псы увидят, совсем взбесятся.

– Не пойду, дяденька. – Кайрос был готов обещать, что угодно. Не ведал, что детское любопытство сильнее. И старик не умел с детьми общаться, не знал, как их тянет к запретному.

– То тоже, там псари боевых псов держат. Они лютые. Даже сами псари, что ухаживают за ними, и те их боятся. Не стоит туда ходить, тем более, что там Марта оценилась. Зверюга. У нее шестеро щенят.

– Шестеро? – Кайросу очень хотелось посмотреть на щенков. Взять в руки маленькие комочки, прижать к себе теплые тела. Поцеловать.

– Она ни псарей, ни кого не подпускает. С ней в вольере ее кобель сидит, так и того на дух не подпускает. В угол его загнала, совсем озверела. – Глупый старик думает, оградил от опасности мальчишку. Если бы молодость знала, если бы старость могла. Если бы старость знала, на что способна безрассудность молодости. Если бы молодость могла предвидеть все. Тогда мир остановился бы. Тленом и мхом покрылась бы земля. Не рождались дети, остановился бег времен.

– Я туда не пойду. – Ну, да. Прямо сейчас, не пойду. Как скоро забываются такие обещания.

– Вот и ладно. Вечерком попозже, можешь зайти. Я ушицу буду варить. И тебя угощу. Ты уху любишь? – Не сидеть же двум старикам в объятиях своих воспоминаний. Печаль о семье и детях, которых не случилось, бередила сердце.

– Да, люблю. – Глаза Кайроса загорелись радостью. – Мы с дедом ходили на рыбалку. Вот таких ловили. После уху варили. Мы их ведрами таскали.

Он врал, как всякий рыбак. И малые рыбешки ему казались огромными. И деревья в ту пору кажутся большими.

– Вот и заходи. Буду ждать. – Сол улыбнулся. Детство заглянуло к нему в этот миг. И вспомнил себя мальчишкой. Как с отцом ходил на рыбалку. Как мать варила уху. И он, словно рыцарскими подвигами, хвастался, какую рыбу выловил. Давно то было, а словно вчера.

Кайрос убежал. Немного походил по внутреннему двору. Приметил Арчика. Побежал к нему.

– Арчик, привет. – Вот здорово, он встретил друга. Какой замечательный день.

– Привет, Кайрос. Ты как? – И Арчик был доволен этой встрече. Этот парень, как ниточка к дому. Они шли вместе. С одной земли.

– Меня на работу взяли, Арчик. У меня своя комнатка, кормят. Кормят хорошо. Вкусно. – Говорил искренне. Что с того, что из помойного бачка. Люди добрые дают, и ладно. Они ж от всего сердца. Вот и он от всего сердца воду носит, полы моет. А ему еще позволили за лошадьми приглядывать. Стало быть, и он нужен. Раньше бабушке и дедушке был нужен. Отцу с матерью был не годен. Так что с того. Но сейчас все по-другому. Как много на свете хороших людей. И они его любят.

– Тебе нравится? – Спросил воин. По счастливой улыбке парня знал ответ. Хоть кто-то есть на белом свете, кто счастлив. Хоть один дурак.

– Очень. Правда, хорошо. Оно, где еще так. Меня нигде не брали, а тут взяли. Это ты помог. – Кайрос почти подпрыгивал от радости. И по работе угодил, и в конюшне его ждут, и Арчика встретил.

– Я тут ни при чем, не я тебя на работу брал. Это управляющий. Я сам человек подневольный. – Арчик не мог принять благодарность. Его крестьянская и воинская душа требовали честности. В том не его заслуги.

– Нет, спасибо. Если б не ты, вовек бы мне здесь работы не видать. Тут и угол есть. Зима накатит, хоть не замерзну где под забором. – Кайросу казалось, до зимы далеко. А там он выкрутится. Теплое жилье, пусть и не очень, не даст замерзнуть. Добежать до колодца, так рядом. И особой одежды не понадобится. На своем холодном чердаке закутается в старье и ладно. Можно где и в коридорах дворца переждать.

– И то хорошо. Только помнится, шел ты сюда налегке. Деньжат у тебя нет. Зима, говоришь, придет, что на себя наденешь? – Какой же ты ребенок, меньшей брат. В стужу не так легко выжить.

– Не знаю, как-нибудь. Я реже буду выходить, а во дворце тепло. – Стоит ли забот то, что еще не настало. Как беззаботна юность.

– Тепло то, тепло. Одежонка у тебя... Вот что, я с парнями из стражи поговорю, может, что насобираем. Ты уж не обессуди. – Арчик подумал, авось, найдется какое тряпье. Соратники у него не богаты, но не черствы душой. Что не нужно, отдадут.

– Так хорошо, я благодарен буду. Спасибо скажу. – Так ему всегда отдавали негодное. Вот и будет для него обновка. Для кого новый наряд – не вещь, а для него все сгодится. На балы ему не ездить. Тепленько бы было, да к телу хорошо. Не отказывайся от щедрот руки дающей.

– Ты, это, пока особо не надейся. Они ребята хорошие, может, у кого что и осталось. Может от братьев. Постараюсь. – Арчик вздыхал, глядя на радостного ребенка. Вот ведь, ничего ему не надо. Сам отдаст последнее. Попроси, последнюю рубаху отдаст. Мерзнуть станет, а отдаст.

– Спасибо, Арчик. – Кайрос счастливый побежал в свою каморку. Хотел и там навести порядок. После носил воду в баки на кухне. И вновь мыл полы в коридорах дворца. Закончил к вечеру. Вновь робко заглянул на кухню спросить о еде. Один из поварят сказал:

– Чего спрашивать, вон в бачках бери, что найдешь и ешь. Пока на скотный двор не унесли – успевай. Кайрос выбрал, что сумел из бачка, наложил в чашку. Поел. Вымыл посуду, поставил на место и побежал в конюшню. Там его ждал дяденька конюх.

– Вот и я, – несмело сказал он, подойдя к конюху. Может, позволят ему лошадку погладить. Посидеть на конюшне.

– Проходи, уха у меня готова. Только что сварил, еще горячая. – Сказал старик. – Можно поесть. Скоро подойдет Брилл. Он тут егерь. За боевыми псами следит. Человек он хороший, не обидит.

– Спасибо, дяденька. – Кайрос присел на скамеечку. Прижал голову к коленям и смотрел. Его детский взгляд проникал в душу. Просил о любви. Сол и не знал раньше, что взгляд ребенка так может брать за сердце. Внутри старика все выворачивалось наружу, с последней рекой любви и сострадания.

– Тебя как зовут, парень?

– Кайрос, дурачок Кайрос меня зовут, а кто Помидоркой называет. Кому как нравится. – Бесхитростные слова. Простые. Они острой болью резали сердце старика.

– Отчего дурачок? Кайрос ты, никакой не дурачок. – Как можно, назвать человека дурачком. Как можно, принять это с такой покорностью. Такую боль не вынесет душа.

– Так меня в деревне звали. А вас как зовут, дядечка? – Так просто, без обид. Дурачок. Так и положено. И это отсутствие протеста и боли ударили Сола плетью. До крови, до самых костей.

– Я Сол, местный конюх. Вот держи тарелку, сейчас налью ухи. И рыбки поешь. Я с утра наловил.

Вскоре подошел Брилл. Грузно сел к столу.

– Так у нас нынче молодежь в гостях. Твой стол никогда не был тесен. Оно и к лучшему. А то мы, старики, любим жаловаться. Ты кто, сынок?

– Я Кайрос, дядечка. С деревни я. Сиротой остался. Вот и подался в город. Тут добрые люди на работу взяли. Меня дед всякой работе обучал.

– Если так, то выживешь у нас.

Уха была отменная. Что, что, а готовить рыбу Сол умел. Эх, думал Сол, был бы помоложе, да нога бы была в порядке. В бою ногу повредил, раньше молодняк объезжал, любую лошадь мог оседлать. Упал неудачно на ратном поле, с тех пор хромал. Пожалели его, не прогнали. Так

и остался при лошадях. Он любил лошадей, они норовистыми бывают, у каждой свой характер, но он все равно их любил. О том и вели беседу. О прошлых сражениях, о былых героях. Кайрос и старики поели, вымыли посуду.

– Я лошадкам спокойной ночи скажу? – Спросил парень.

– Ну, скажи. Скажи. – Разрешил Сол.

Парень ушел. Старики остались одни.

– А что, Сол, будь у тебя такой внук? А, не скучал бы? – Усмехнулся Брилл.

– Будешь смеяться, друг, а я как его увидел, словно свою молодость вспомнил. Сил прибавилось. Мне б такого внука, чтоб глаза закрыл. Чтоб было, кто подержит в последний миг за руку. Так и жизнь прошла не впустую.

Старики замолкли. Все было сказано. Песнь одиночества и боли играла тихую мелодию любви.

Кайрос обошел всех лошадей, каждую гладил, шептал на ушко. Одна лошадь даже от удовольствия заржала.

– Я побегу, дядюшка Сол. – Наконец, Кайрос решил, что ему пора уходить.

– Беги, время позднее. Спать пора.

А старики смотрели в след ребенку. Умиротворение и благодать входили в их души. Не цари и владыки владеют землей. Поступь крохотной ножки ребенка покоряет миры.

Дурачок убежал к себе в мансарду, на чердак. Лег в постель. Хороший день выдался, вот и с конюхом познакомился. С лошадками познакомился. Дяденька егерь такой хороший. И дяденька воин, Арчик, обещал, может, что из одежды принесет. Разве не жизнь? Да такой жизни любой позавидует. Другой жизни он не знал, да, наверно, и не хотел. Он не завидовал никому, не завидовал этим господам в новой шикарной одежде. Про себя он думал, что есть, то и есть. Чего лучше то желать. Господа они и есть господа, а он Кайрос дурачок. Родился таким, что уж тут. Выше и не прыгнуть. Вот так и потекли дни его жизни во дворце. Разнообразия особого не было. Может, это постоянство и нравилась парню, какая-то определенность в жизни. Дня через три услышал, что во дворце несчастье приключилось. На кухне это обсуждали.

– Этот боров, Борден, нес себя важно. Самый важный здесь. – Смеялись слуги втихаря.

– А что случилось?

– Управляющий наш давеча поперся куда-то, под ноги не глядит, важный, ему бы всех поучать. Вот на лестнице и оступился. И кувырком. Хорошо летел. Ногу сломал, да пару ребер. Как только себе шею не свернул.

– Лучше бы свернул, – сказал главный повар, – первый раз такого злыдня вижу. Хоть отдохнем от него.

Событий больше и не было. Может, где там, в господских покоях и обсуждали какие новости, но до ушей прислуги, особенно такой мелкой, как Кайрос, это не доходило. Да не слишком он прислушивался. Не касается это его. Он часто бегал на конюшню. Помогал Солу. То лошадей почистить, то в загонах убрать. Воды принести. Вот и хорошо. Было и еще одно событие. В конце недели, главный повар сообщил своим помощникам:

– Государь нас похвалил, вкусно готовим. Это вода в нашем колодце видимо обновилась, свежее стала. – Повар зачерпнул из бака воды, отпил. – Вот, вычерпали воды, колодец прочистился, вода стала свежее, прямо вкуснее.

Повар протянул кружку одному из поварят.

– Попробуй, что скажешь?

– Отменная вода, я тоже заметил. Словно ключевая.

– Это хорошо, когда из колодца много воды черпают. Она обновляется, лучше становится.

Они и внимания не обратили на то, что воду эту приносил Кайрос дурачок. Всякий раз, набирая воду в колодце, он благодарил его и спрашивал разрешения. Дозволь зачерпнуть водицы. Что б она была вкусной и свежей.

На днях, когда Кайрос бежал на конюшню, он увидел Арчика.

– Кайрос, иди сюда. – Он подбежал к воину. – Пойдем со мной, зайдем в казармы.

Они пришли в казарму.

– Держи, – Арчик протянул Кайросу башмаки, – примерь, подойдут ли по ноге.

Кайрос примерил. Воин смотрел на паренька. Как похож на его младшего брата. Свидятся ли они когда-нибудь. Братишка был тоже немного чудаковатым. Это они по малолетству такие. Может, Кайрос и не станет воином, телосложение не то, но крестьянином был бы хорошим. Работать любит, не лентяй. Славный вырастет мужик.

– Отличные, настоящие башмаки. И мне впору. – Глаза светятся радостью. Такой отменный подарок. – Их же носить сколько можно. Крепкие, не развалятся. И на ноге удобно. Спасибо. Я их беречь буду.

– Ну, и хорошо. Тут тебе камзол, две рубашки, носки, кое-что из белья. Брюки нашли. Прикинь, не коротки? – Все это Арчику дали другие стражники, у кого были младшие в семье. Ребята выросли, вещи стали малы. Вот и собрали всем миром. Если не помогать друг другу, не выручать, так жизнь будет тяжелой. В жизни, как в бою, тебе помогут, ты поможешь.

– Нет, не коротки. Даже длинноваты. – Кайрос прикинул штаны. Отличная у него будет обнова. Какой Арчик молодец. Здорово, что они повстречались в пути. С ним и поговорить можно, иначе одиноко было бы в этом чужом городе. Теперь, когда у Кайроса не было дедушки и бабушки, это был самый близкий и родной человек на свете.

– Ничего, подогнешь. Это ребята собрали, забирай. – Как-то тепло стало на душе у стражника. Словно взамен этих тряпок получил нечто большее, с ним поделились радостью.

– Спасибо. Арчик, век не забуду. Такую мне одежду справил. Отличную. – Кайрос чуть погрустнел. – Мне такую только бабушка делала. Перешьет из чего, так потом носишь, не нарадуешься.

– Да ну, тебя. Одежда не такая уж и хорошая. – Арчик смутился. – Просто другого нет. Прости. Бери эту.

Подхватив свои обновки, Кайрос побежал к себе. Разложил вещи, посмотрел. Решил, что вечером все примерит. И снова побежал на конюшню помочь Солу. Вот так он и крутился, бегая с одного места в другое, находя себе дело. Не привык сидеть без дела. И поесть он мог теперь в любое время. В бачках всегда остатков было много. Время от времени его и Сол подкармливал. Если не уху, то еще что варил. По крайней мере, горячий чай с ломтем хлеба вечером был обеспечен. И вечером они разговаривали, говорили о том, о сем, одиноко было конюху. Тут слушатель, парнишка. Сидит, слушает внимательно. И интерес у них общий к лошадям. Как-то днем Кайрос забежал на конюшню. Сола не было. А у Кайроса любопытство. Оно если что нельзя, так этого и хочется. Хотелось на щенков посмотреть. Вот он и проскользнул в дверцу, что отделяла конюшню от псарни. О своем обещании не ходить давно забыл. Псарей на месте тоже не оказалось. Подошел к вольерам. Вон собачка, вон другая. Возле первой щенята. Это, видимо, и есть Марта. Хорошие маленькие собачки ползают возле мамки, попискивают. Один пристроился к мамке, притих. Кайрос услышал чьи-то шаги, быстро убежал, вновь оказавшись в конюшне. Занялся лошадьми. Какую почистить, какую напоить водой. Он знал, где у Сола лежат лакомства для лошадей. Каждую угостил. Гривы расчесывал, что б ухоженные были. Он обнимал их, ласкал.

– Красивые вы у меня. Сейчас гриву расчешем, так еще краше будете. – Кайрос похлопывал коня по боку.

Конь от удовольствия тихо ржал, показывал зубы.

– Чего ржешь? Смеешься? Я смешной? – Кайрос ухватил коня за голову. – Вот я тебя сейчас. Как кулаком в бок стукну. Перестанешь насмехаться надо мной.
Сам смеялся, уткнувшись лицом в шею коня.
Нравилась Кайросу дурачку такая жизнь.

Часть 5

Боевые псы были особой статьёй двора. Были ли это собаки или их отдаленные родственники, сказать трудно. Они были значительно крупнее других пород. Они были значительно сильнее, и в них было больше ярости и неукротимости. Держали их для обороны. Грозные существа. Их боялись. На прогулку выводили через отдельные ворота из города. И вели этих собак по особой улице ночью. Дома глядели глухими стенами. Не было просвета между стенами, что б злобные существа не сорвались. Вели их на длинных толстых поводках. Больше для порядка. Если б они задумали вырваться, то вряд ли какой поводок и человек удержали их. Эти существа могли разорвать любого человека. Псаря, ухаживающие за ними, боялись своих подопечных.

Брилл всякий раз жаловался другу на своих подопечных псов.

– Эх, Сол, – говорил Брилл, – видать на покой мне пора. Устал. Особенно в последнее время. Сил никаких нет. Срок мой пришел уходить на покой. Вот и ты собираешься. Так и мне тяжело. Особо после того, как оценилась Марта. Вот зверюга. Шесть щенков принесла. Ее из вольера нельзя выводить. Ни один из моих людей не смеет к ней войти. Никого к себе не подпускает. Мы к ней и ее Рекса запустили. От него она понесла. Так и его не подпускает к щенкам. Рычит. А он забился в угол и не смеет подойти к своей женушке. Мои парни стороной ее вольер обойти норовят. Мясо подают через решетку. И воду так подают. А она рычит, спасу нет.

– Ты, Брилл, погоди. Щенки подрастут, может, она перестанет беспокоиться. Все на место встанет.

– Хорошо бы, только когда это будет. Совсем с ног сбились. Не знаю, видать, не дотерплю до того времени. Попрошу государя отпустить меня на покой. – Как ни любил он свое дело, но накопилось. Через край выплескивалось наболевшее. Возраст и трудности с Мартой почти сломили его.

– Не отчаивайся, все образуется. Пойдем на солнышко, посидим, погреемся. – Отвлечь надо старого друга. Пусть хоть пару минут передохнет.

– Мне Марту кормить пора. – Брилл тяжело вздохнул. Другие псаря отказывались даже корм давать. Когда этот зверь рычит, по коже мурашки. Оторопь берет. Такая ярость в этом негромком рычании, угроза. А в глазах безумный огонь ненависти. Тут и герой испугается.

– Подождет твоя Марта, меньше рычать будет. Пойдем. Ты хоть успокоишься.

Они вышли, прошли мимо колодца. Поковыляли к дальней дворцовой стене. Там и солнышко было и вдали от суеты. Там и скамейка стояла. Кругом цветы. Посидеть, поговорить, вспомнить былую жизнь. Ничего больше не оставалось им.

Кайрос закончил мыть полы, сбегал на кухню, поел и, как обычно, побежал на конюшню. Тихо на конюшне. Видимо, Сол куда-то ушел. Кайрос нашел лакомство, угостил лошадок. Хвалил, говорил ласковые слова. Тихо. Подошел к дверке, что вела на псарню. Любопытно было. Хотел взглянуть на щенят. Он на одну минутку. Посмотрит и убежит. Дядя Брилл и Сол не узнают. Он тихонько. Приоткрыл дверку. Тихо и тут. Убедившись, что его никто не увидит, Кайрос вошел. Прикрыл за собой дверь. Подошел к вольеру, где располагалась Марта со своим выводком. Та лежала. Щенки ползали возле нее. Они просто возились, играли. Как-то сосали мать. Рекс лежал в дальнем углу. Кайрос осмотрел вольер. Грязно кругом. Давно никто не убирал. Все загажено. Как так можно, малыши заболеют. Им чистота нужна. Жалко. Ползают по грязному полу. Не следят за ними. Вот и ведро с мясом. Не покормили бедных. Кайрос еще раз огляделся. Никого нет. Может и хорошо. Пока никого нет, прибраться в вольере. Заприметил у стенки метлу. Вот и можно будет обратиться в вольере. Взял ведро и метлу, открыл

дверь вольера и зашел. Тихонько прикрыл за собой дверь. Марта только посмотрела на пришедшего. Снова положила голову на лапы. Кайрос поставил ведро, метлу приставил к стене.

– Что это такое, что никто не приберет у вас, Марточка. – Он подошел к собаке. Присел на корточки. Погладил голову собаки. – Не хорошо это. Смотри как грязно кругом. Не дело это. Ты чего никого не пускаешь к себе! Я вот тебе! Я любить тебя не буду. И уходи от меня. Гладить не буду. Не нужна ты мне. Детки твои в грязи, а ты развалилась. Не стыдно?

Он гладил ее, чесал за ухом. Марта блаженно жмурилась.

– погоди, я тебе выберу кусочки мяса получше. Тебе надо, ты их кормишь. Тебе надо, кто их еще покормит. Кроме тебя. – Он выбрал куски, которые показались ему самыми аппетитными, положил перед Мартой. Забрал ведро, пошел к Рексу. Тот тоже молчал, только поглядывал.

– Чего лежишь, бедолага. Не подпускает тебя. Так сам, поди, заслужил. И тебе сейчас выберем мяска. – Он выбрал два больших куска и положил перед псом. Начал гладить это большое сильное тело. – Вон, запаршивел. Кто будет такого подпускать к себе. Вся шерсть слежалась, одни комья. Стыдоба, совсем опаршивел.

Кайрос ощупывал голову, спину пса.

– Чего только ты не нацеплял на себя. погоди, щетку найду, вычешем.

Щетку он вскоре нашел.

– погоди, Рекс, я пол вначале подмету. Вычешешь тебя, а ты вновь вываляешься. Мне опять тебя чесать. Что удумал! Я по два раза чесать не стану. Закончу с полом, тобой займусь. Расчешу тебя, будешь красавцем. Женщины таких любят, чтоб красивый и сильный. И она опять к тебе расположение вернет.

За этими разговорами Кайрос стал мести пол. Он так увлекся работой, что не заметил, Брилл вернулся на псарню. А Брилл замер. Попятился, прячась за колонну. В вольере, где сидела свирепая Марта и Рекс, парень мел пол. Кайрос, дурачок. Другого слова и не найдешь. Дурачок. Войти в вольер к этим. Так они кого угодно разорвут. Брилл замер, молчал, боясь окриком испортить всю ситуацию. Крикнешь, не дай бог, что может произойти. Бросятся псы на этого придурка. Кайрос мел пол и приговаривал:

– Сейчас, порядок наведу, и вам хорошо будет. – Он выметал грязь под низ решетки, после соберет все в ведро и вынесет. Наконец, он закончил.

– Я вас еще покормлю. Вот, Марта, держи кусок. Я дам, не торопись. Какие у тебя детишки хорошие. Красивые. – Кайрос гладил щенков. – Я сейчас их немного приведу в порядок. Ты после их оближешь.

Дело невиданное. За многие годы Брилл ни разу не видел, чтоб кто-то посмел погладить щенят. Боевые псы не подпускали людей к своим выводкам. Охраняли свое потомство больше всего на свете. А тут Марта словно и не замечала, что чужак берет ее деток.

– И смотри у меня, – Кайрос грозил пальцем Марте. – Не посмотрю, что ты большая. Будешь плохо о детках заботиться, я метлой огрею. Любить тебя не буду. Пошла отсюда. Брысь. Вот и пошла от меня.

Марта покорно склонила голову. Смотрела печальным и просящим прощения взглядом. Огромный грозный зверь выглядел растерянной собачонкой. Не ругайся, не гони меня прочь. Я хорошая, исправлюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.